S 42/800

С 42
800.

ГЕНЕРАЛИССИМУСЪ

КНЯЗЬ ИТАЛІЙСКІЙ

графъ Александръ Васильевичъ

СУВОРОВЪ-РЫМНИКСКІЙ.

Духовно-нравственная характеристика.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Т-ва Худож Печати“, Англійскій, 28.
1900.

Александръ Суворовъ

ГЕНЕРАЛИССИМУСЪ

КНЯЗЬ ИТАЛІЙСКІЙ

Графъ Александръ Васильевичъ

СУВОРОВЪ-РЫМНИКСКІЙ.

Духовно-нравственная характеристика.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Т-ва Худож. Печати", Англійскій, 28.
1900.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, Марта 14 дня, 1900 года.

Старшій цензоръ Архимандритъ *Владиміръ*.

2007043137

Вмѣсто предисловія.

Генералиссимусъ, Князь Италійскій, Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, будучи великимъ полководцемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и великимъ Христіаниномъ. Славны воинскіе его подвиги, высоки и Христіанскія добродѣтели. Молитвою начиналъ и оканчивалъ онъ каждый день, каждое дѣло, каждую борьбу съ непріятелемъ. Не опускалъ ни одного праздничнаго дня, чтобы не сходить въ церковь къ службѣ Божіей. Въ странахъ иноземныхъ, гдѣ не было православныхъ храмовъ, **мольбы, прошенія и благодаренія Господу** возносилъ онъ въ церквахъ лютеранскихъ и католическихъ. Всегда приходилъ на свѣжія могилы убитыхъ на полѣ брани воиновъ и здѣсь, въ присутствіи подвѣдомаго ему гарнизона, слушалъ панихиду и усердно молился. Въ тяжелые годы жизни, проживая въ деревенской глуши, выстроилъ онъ малую домовую церковь, и въ ней за службами Божіими самъ пѣлъ и читалъ.

Ко дню столѣтія, послѣ кончины безсмертнаго для Россіи Суворова, много издано книгъ и брошюръ: во всѣхъ ихъ прославляется онъ, какъ непобѣдимый Военачальникъ. Для насъ, военныхъ пастырей, Суворовъ особенно до-

рогъ и симпатиченъ, какъ примѣрный Христіанинъ. И самъ онъ глубоко вѣровалъ и горячо молился, и воинскихъ чиновъ наставлялъ тому же; его скромная домашняя трапеза, всегда многолюдная, начиналась и оканчивалась молитвою.

Дороги всѣ памятники въ честь Суворова, но самый безцѣнный, по нашему разумѣнію, **„Суворовская Кончакская церковь“**: изъ нея и изъ тѣхъ предметовъ, которые сохранились при ней, Николаевская Академія Генеральнаго штаба имѣетъ въ виду создать зерно будущаго памятника-музея великому Полководцу *).

Одинъ изъ военныхъ пастырей составилъ предлагаемую книжку: я нахожу ее настолько назидательною, что, для распространенія въ войскахъ, выпускаю особеннымъ изданіемъ.

Возлюбленные мои сослуживцы и собратія! Читайте ее и добродѣтели Суворовскія своей паствѣ внушайте.

Доколѣ въ Русскихъ войскахъ вѣра въ Бога крѣпка, дотолѣ армія наша непобѣдима.

Съ нами Богъ! Разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!

Протопресвитеръ *Александръ Желобовскій.*

---

*) Церковь эта, по Высочайшему повелѣнію, съ благословенія Святѣйшаго Синода, будетъ перенесена въ С.-Петербургъ.

ГЕНЕРАЛИССИМУСЪ

Князь Италійскій, графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій.

Духовно-нравственная характеристика [1]).

И бысть егда воздвизаше Моисей руцѣ, одольваше Израиль: егда же опускаше руцѣ, одольваше Амаликъ... И преодоль Іисусъ Амалика... и созда Моисей олтарь Господу, и прозва имя ему: Господь прибѣжище мое (Исх. 17, 12—13, 15).

Богъ намъ прибѣжище и сила... сего ради не убоимся, егда смущается земля (Пс. 45, 2—3).

Кто Бога боится, тотъ непріятеля не страшится (Русск. посл.).

6 мая 1900 года исполнится сто лѣтъ со дня смерти генералиссимуса, князя Италійскаго, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго.

---

[1]) Предлагаемая духовно-нравственная характеристика личности Суворова составлена, главнымъ образомъ на основаніи извѣстнаго изслѣдованія *А. Петрушевскаго* „Генералиссимусъ князь Суворовъ“ (С.-Петербургъ, 1884 г.

Это имя переноситъ мысль въ одинъ изъ самыхъ блистательныхъ періодовъ русской исторіи — вѣкъ Екатерины Великой, вѣкъ славы русскаго оружія.

Въ лучахъ ея возстаетъ предъ нами свѣтлый образъ знаменитаго полководца. Отважный партизанъ въ Семилѣтней войнѣ въ 1760—1761 гг., побѣдитель поляковъ подъ Ланцкороной и Сталовичами въ 1771 г., подъ Крупчицами, Брестомъ и при Кобылкѣ въ 1794 г.; покоритель Праги и Варшавы, побѣдитель турокъ при Туртукаѣ и Гирсовѣ въ

въ трехъ томахъ), съ позаимствованіями иногда буквальными, иногда общаго характера, и при пособіи слѣдующихъ источниковъ: *Д. Милютинъ.* Исторія войны 1799 г., между Россіей и Франціей въ царствованіе Императора Павла. СПБ., 1857 г., три тома; *Н. А. Орловъ.* Походъ Суворова въ 1799 г., по запискамъ Грязева. СПБ., 1898 г.; *Н. А. Полевой.* Исторія князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, генералиссимуса россійскихъ войскъ. СПБ., 1843 г.; *Гершельманъ.* Нравственный элементъ въ рукахъ Суворова; *Фуксъ.* Исторія генералиссимуса, князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, Москва. 1811 г., 2 части; *Богдановичъ.* Замѣчательные походы Петра В. и Суворова; Военный Сборникъ 1882 г. (*Басовъ*); *Драгомировъ.* Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей М. Драгомирова, 1858—1881 гг., т. I—II. С.-Петербургъ. 1881 года; священникъ *Ѳ. Боголюбовъ.* Взглядъ генералиссимуса Александра Васильевича Суворова на религію въ дѣлѣ воспитанія солдата. С.-Петербургъ, 1894 г.

1773 г., при Козлуджи въ 1774 г., подъ Кинбурномъ въ 1787 г., при Фокшанахъ и Рымникѣ въ 1789 г.; покоритель неприступнаго Измаила въ 1790 г.; побѣдитель французовъ при Аддѣ, Треббіи и Нови, вождь эпическаго похода черезъ Альпы въ 1799г., Суворовъ—гордость Россіи, слава нашего отечества, свѣтлый военный геній нашей родины. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ, какого не имѣетъ ни одинъ изъ русскихъ полководцевъ. Его сорокалѣтнее боевое поприще отмѣчено чрезвычайно рѣдко наблюдаемою въ исторіи чертой: онъ никогда не былъ побѣжденъ. Ни одно изъ славныхъ военныхъ именъ Екатерининскаго царствованія «не сдѣлалось до такой степени народнымъ, не сблизилось такъ съ душой русскихъ воиновъ, какъ имя Суворова» [1]), поднявшаго русскую военную славу на высоту, до которой она ни прежде, ни послѣ не достигала [2]). Его имя—одно изъ немногихъ, которымъ всемірная военная исторія усвояетъ почетное титло великихъ полководцевъ (Аннибалъ, Юлій Цезарь, Тюреннъ, принцъ Евгеній Савойскій, Наполеонъ, Петръ Великій).

---

[1]) Богдановичъ.

[2]) Петрушевскій. Т. I.

Военная исторія представляетъ немало примѣровъ духовнаго могущества, но ни въ одномъ изъ нихъ торжество духа не поучительно въ такой высокой степени, какъ въ лицѣ генералиссимуса Суворова. Черты его характера съ особенною ясностью и совершенной полнотой обнаруживались на полѣ битвъ.

Онъ обладалъ чрезвычайной личной храбростью, но не выставлялъ ея напоказъ; всегда былъ на своемъ мѣстѣ, весьма часто подвергался опасности и нисколько не избѣгалъ ея, когда требовалось его присутствіе тамъ, гдѣ происходилъ жаркій бой и царила смерть. Подъ Кинбурномъ [1]), гдѣ отборное турецкое войско, въ числѣ 5300 янычаръ, высадилось на берегъ, угрожая тремъ тысячамъ русскихъ, казаки и кавалерія уничтожили почти весь турецкій авангардъ съ его начальникомъ. Тѣмъ временемъ, несмотря на огонь турецкаго флота, имѣвшаго болѣе 600 орудій, пѣхота сильнымъ ударомъ опрокинула турокъ и погнала ихъ къ ложементамъ. Десять изъ послѣднихъ въ короткое время взялъ генералъ Рекъ, но дальше проникнуть не могъ: коса съуживалась, стало тѣсно, и упорство турокъ возросло. Орловскій полкъ, бывшій въ первой линіи, сильно порѣдѣлъ; Суво-

[1]) Петрушевскій Т. I.

ровъ двинулъ въ бой вторую линію въ помощь первой и приказалъ атаковать двумъ эскадронамъ. Турки, однако, не только выдержали, но, удвоивъ усилія, опрокинули атакующихъ и вытѣснили ихъ изъ всѣхъ ложементовъ. Суворовъ находился въ переднихъ рядахъ, пѣшій, такъ какъ лошадь его была ранена. Увидѣвъ двухъ турокъ, державшихъ въ поводу по лошади и принявъ этихъ людей за своихъ, такъ какъ высадившіеся турки кавалеріи не имѣли, сильно утомившійся Суворовъ крикнулъ имъ, чтобы подали ему лошадь. Турки устремились на него вмѣстѣ съ нѣсколькими другими; но, къ счастью [1]), мушкатеръ Новиковъ услышалъ зовъ своего начальника, бросился на турокъ, одного закололъ, другого застрѣлилъ и обратился было на третьяго, но тотъ убѣжалъ, а съ нимъ и остальные. Отступавшіе гренадеры замѣтили Суворова и по крику: «братцы, генералъ остался впереди»— ринулись снова на враговъ. Бой возобновился, и озадаченные турки стали снова быстро терять одинъ ложементъ за другимъ. Успѣхъ русскихъ былъ, однако, не продолжителенъ; они израсходовали почти

---

[1]) Въ сраженіи Суворовъ носилъ саблю, иногда подобіе тесака, иногда же ѣхалъ впередъ, не имѣя ровно ничего кромѣ нагайки. Петруш. Т. Ш.

всѣ патроны и не могли продолжать наступленіе подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля: спереди производился сильный ружейный огонь, большею частью, двойными пулями; справа приблизившійся флотъ осыпалъ русскихъ градомъ бомбъ, ядеръ и даже картечей. Русскіе въ большомъ порядкѣ ретировались къ крѣпости. Солнце стояло низко. Генералъ Рекъ былъ еще при первой атакѣ раненъ и вынесенъ изъ боя; убыло изъ строя и много низшихъ начальниковъ; ряды порѣдѣли. Въ довершеніе несчастья, самъ Суворовъ получилъ картечную рану въ бокъ, ниже сердца, и на нѣкоторое время потерялъ сознаніе. Передъ его глазами происходили необычайныя для него дѣла: русскія роты и батальоны проносились мимо въ быстромъ отступленіи; турки съ радостными криками отвозили съ поля доставшіяся имъ русскія пушки и яростно преслѣдовали отступающихъ; дервиши сновали по турецкимъ рядамъ, возбуждая энергію мусульманъ. Но сердце его не дрогнуло, онъ не считалъ дѣла проиграннымъ. Четыре мѣсяца спустя, описывая одному изъ своихъ пріятелей кинбурнское дѣло, онъ говоритъ про этотъ моментъ: «*Богъ далъ мнѣ крѣпость, я не сомнѣвался*». При такой увѣренности предводителя, побѣд-

ный конецъ не замедлилъ. Суворовъ остался въ строю и, съ прибытіемъ подкрѣпленій, повелъ свѣжія войска въ третью атаку бурнымъ порывомъ. Выгнанный изъ ложементовъ, непріятель очутился какъ въ тискахъ и нигдѣ не видѣлъ себѣ спасенія, потому что суда, высадивъ десантъ, отошли въ море по приказанію паши, который думалъ такимъ способомъ вдохнуть въ свои войска больше рѣшимости и храбрости. По словамъ Суворова, турки, какъ тигры, бросались на тѣснившихъ ихъ—русскую пѣхоту и кавалерію, но безуспѣшно. Скоро они были сбиты на пространство всего полуверсты; русская артиллерія громила ихъ картечью, нанося страшный уронъ. Турки бросались въ море и гибли въ водѣ сотнями. Въ концѣ дѣла Суворовъ былъ снова раненъ ружейной пулей въ лѣвую руку на вылетъ. Онъ подъѣхалъ къ берегу; эсаулъ Кутейниковъ омылъ ему рану морской водой и перевязалъ своимъ галстукомъ. Суворовъ очень страдалъ отъ ранъ и большой потери крови и, хотя держался на ногахъ, часто падалъ въ обморокъ. Побѣда была рѣшительная. «Божіею милостью довольнымъ быть надлежало», писалъ Суворовъ. Спаслось не болѣе 700 турокъ [1]).

[1]) Петрушевскій. Т. I.

Кинбурнское дѣло во всемъ блескѣ обрисовываетъ личную стойкость Суворова. Присутствіе духа у него было поистинѣ изумительное. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ геніальныхъ натуръ, которыя совершенно владѣютъ собой въ самыя отчаянныя минуты боевыхъ схватокъ. Опасность не подавляла его и не ослабляла его силъ; не уменьшала быстроты соображенія, вѣрности сужденія рѣшительности исполненія; напротивъ, заставляла жить напряженною жизнью, удесятеряла его силы.

Признаваемое другими за невозможное или, по меньшей мѣрѣ, за исключительное, у Суворова считалось за возможное и исполнялось заурядъ.

Его главныя боевыя правила лучше всего выражены имъ же въ надписи на перстнѣ, подаренномъ имъ Милорадовичу: «глазомѣръ, быстрота, натискъ— побѣда». Это значило, что для побѣды надъ врагомъ необходимо вѣрно разсчитать, гдѣ надо нанести ударъ, быстрымъ движеніемъ появиться внезапно предъ непріятелемъ, атаковать смѣло и рѣшительно. Для Суворова «нормальнымъ дѣйствіемъ было наступленіе, преобладающею дѣйствующей силой—закаленная человѣческая душа, обычной рѣшимостью —готовность сойтись на холодное оружіе, штыкъ» [1]).

[1]) Петрушевскій.

Когда въ битвѣ у С.-Джіовани (при Треббіи) французы, подъ начальствомъ Макдональда, имѣвшіе превосходный численный перевѣсъ надъ австрійскимъ отрядомъ Отта и Меласа, готовы были нанести послѣдній, неотразимый ударъ нашимъ союзникамъ—австрійцамъ, Суворовъ съ 4 казачьими полками изъ авангарда поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Съ нимъ прилетѣлъ духъ побѣды [1]).

Прискакавъ на возвышеніе, онъ окинулъ поле сраженія долгимъ внимательнымъ взглядомъ и моментально выработалъ планъ боя. Не успѣвъ перевести духа, казаки, по его приказанію, понеслись противъ многочисленнаго и воодушевленнаго непріятеля.

Именно, въ подобные моменты, когда дѣло касалось неподражаемаго глазомѣра Суворова, онъ бывалъ истинно великъ. Безстрашіе, представлявшее замѣчательную особенность его духовной организаціи [2]), давало ему возможность во всемъ блескѣ обнаруживать характернѣйшую черту его военнаго

---

[1]) Петрушевскій. Т. III.

[2]) Петрушевскій. Т. III. Сынъ Суворова, Аркадій, безвременно погибшій въ волнахъ Рымника (1811 г.), также „не зналъ страха ни въ какихъ случаяхъ и обстоятельствахъ; смѣлость и беззавѣтная храбрость его изумляли и приводили въ восторгъ самыхъ отчаянныхъ смѣльчаковъ".

дарованія. «Требуется большая военная сметка, чтобы ознакомиться съ мѣстностью и съ расположеніемъ непріятеля, при томъ, такъ, чтобы по видимому пространству вывести заключеніе объ остальномъ, невидимомъ, и еще при условіи—не возбуждать вниманія противника до атаки, сохраняя неожиданность удара. Въ этомъ отношеніи взглядъ Суворова былъ изумительный и доходилъ до проницательности мало-вѣроятной. Суворовъ иногда зналъ мѣстность, занятую непріятелемъ, лучше, чѣмъ самъ непріятель. Такой глазомѣръ былъ его природнымъ даромъ, развившимся отъ практики и опыта» [1]).

Энергія Суворова находила не менѣе блестящее выраженіе въ другомъ принципѣ его тактики—быстротѣ.

Поражать непріятеля неожиданностью нападенія, появляться тамъ, гдѣ враги не ждутъ, дѣлая необычные, превышающіе обыкновенныя человѣческія силы, переходы, было правиломъ Суворовскаго наступленія.

Быстрота его доходила до скорости невѣроятной. Въ Литвѣ и Польшѣ въ 1768 г. онъ показалъ первый изумительный примѣръ быстрыхъ переходовъ,

---

[1]) Петрушевскій. Т. II.

сдѣлавъ осенью въ распутицу около тысячи верстъ въ одинъ мѣсяцъ [1]).

Весной 1769 г. передвиженіе Суздальскаго полка и двухъ эскадроновъ изъ Минска въ Варшаву чрезъ край, находившійся въ волненіи, было совершено замѣчательно быстро: пѣхота въ полномъ вооруженіи съ примкнутыми штыками слѣдовала на подводахъ; половина кавалеристовъ также по очереди садилась на подводы; такимъ образомъ, было сдѣлано 560 верстъ въ теченіи 12 сутокъ, т. е. болѣе 46 верстъ въ сутки. Въ ночь прибытія къ Варшавѣ Суворовъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ выступилъ на встрѣчу партіи Котлубовскаго, разсѣялъ ее и возстановилъ спокойствіе въ Варшавѣ [2]). Въ борьбѣ съ Дюмурье и Пулавскимъ въ 17 сутокъ Суворовъ сдѣлалъ 700 верстъ, что составляетъ въ среднемъ болѣе 41 версты, причемъ не проходило 48 часовъ безъ боя. Всѣ его марши, съ точки зрѣнія обыденныхъ понятій, были форсированными [3]). Обыкновенный переходъ онъ считалъ въ 28 верстъ, иногда же доводилъ форсировку до крайняго напряженія, такъ что многіе падали на

[1]) Петрушевскій.
[2]) Гершельманъ.
[3]) Петрушевскій.

пути отъ полнаго изнеможенія, напр., въ Италіи, въ іюнѣ 1799 г., онъ прошелъ по жарѣ отъ Александріи въ Тидонѣ 80 верстъ въ 36 часовъ. Въ поискахъ конфедератскихъ партій въ Польшѣ [1]) онъ предписалъ постовымъ начальникамъ разсчитывать суточный маршъ въ 50—85 верстъ. «Не бродить по куриному, а ходить по олепьему», повторялъ онъ.

Подвижность и быстрота походныхъ движеній вознаграждала численную слабость силъ, какъ было подъ Сталовичами, гдѣ Суворовъ, съ ничтожнымъ числомъ боевой силы (800 челов.), рѣшился ударить съ однимъ своимъ истомленнымъ отрядомъ на несоразмѣрно сильнѣйшаго непріятеля, пользуясь выгодой внезапности, и результатъ былъ поразительный: добытый «плѣнъ» превзошелъ цифру русскаго отряда [2]). Конечно, это былъ случай, но случаю Суворовъ вообще давалъ широкое мѣсто въ своихъ успѣхахъ, потому что умѣлъ имъ пользоваться моментально. «У фортуны длинные волосы на лбу, а затылокъ голый», говаривалъ онъ: «пролетѣла—не поймаешь» [3]).

Изъ быстроты передвиженія совершенно естественно

---

[1]) Гершельманъ.
[2]) Петрушевскій. Т. I.
[3]) Петрушевскій. Т. III.

возникала скрытность [1]) маршей, такъ какъ никто не вѣрилъ возможности появленія Суворова въ мѣстахъ, откуда онъ еще недавно находился въ весьма далекомъ разстояніи. Быстрота и скрытность передвиженій, въ свою очередь, вели къ внезапности появленія—лучшему способу подготовки успѣха и удержанію почина дѣйствій въ своихъ рукахъ. «Побѣдить значитъ удивить». Суворовъ и удивлялъ врага неожиданностью нападенія на него и примѣненіемъ такого способа дѣйствій, котораго противникъ никакъ не могъ ожидать въ данную минуту. Не избѣгать боя, а искать его, предпочитая одинъ рѣшительный ударъ цѣлымъ безплоднымъ кампаніямъ, было правиломъ Суворовскаго веденія войны.

Точное слѣдованіе пришпину быстроты принуждало, конечно, жертвовать извѣстнымъ числомъ отсталыхъ, вообще очень малымъ [2]), благодаря весьма умѣлому распредѣленію маршей, но въ то-же время оно пре-

[1]) Гершельманъ.

[2]) При движеніи въ Польшу съ Суздальскимъ полкомъ. Суворовъ прошелъ въ тридцать дней пространство, превышавшее 850 верстъ, причемъ въ Ладогѣ на квартирахъ не оставилъ ни одного больного; въ тридцать переходовъ выбыло семеро: шесть заболѣли и одинъ пропалъ.

упреждено большое кровопролитіе и тѣмъ наилучше обезпечивало сохраненіе людей. Не давая времени разсѣяннымъ непріятельскимъ отрядамъ собраться въ большія массы, сосредоточиться въ укрѣпленной позиціи, Суворовъ билъ враговъ по частямъ, захватывалъ въ плѣнъ, разсѣвалъ, лишалъ возможности совокупнаго дѣйствія, обезкураживалъ непостижимой быстротой своихъ движеній. Онъ буквально побѣждалъ неподвижность движеніемъ. «Одна минута рѣшаетъ исходъ баталіи, одинъ часъ—успѣхъ кампаніи, одинъ день—судьбы имперіи», говорилъ онъ—и прибавлялъ: «я дѣйствую не часами, а минутами» [1]). Вслѣдствіе этого кампанія не могла быть безцвѣтной и вялой, не затягивалась на продолжительный срокъ. Самая напряженность военныхъ дѣйствій дѣлала войну краткой, сокращая годы военной борьбы до продолжительности нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже немногихъ дней, какъ въ наше время. Не даромъ Суворовъ, цѣнившій въ военномъ дѣлѣ время выше всего, въ теченіе всей своей жизни былъ горячимъ почитателемъ великаго полководца, которому счастье быстраго военнаго успѣха позволяло сказать гордыя слова:

---

[1]) Петрушевскій. Т. III.

Veni, vidi, vici („пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“). Въ годъ побѣды при Рымникѣ, когда огромныя арміи, съ главнокомандующими во главѣ, осаждали крѣпости и занимали крѣпостцы, небольшой корпусъ Суворова, игравшій второстепенную роль, съ такимъ же австрійскимъ корпусомъ принца Кобургскаго блистательно разбилъ главную армію визиря [1]) въ генеральномъ сраженіи. Поразительнымъ эффектомъ быстроты отличалась польская кампанія Суворова, кончившаяся вступленіемъ его въ Варшаву (1794 г.). Во время возстанія поляковъ, которое грозило большой длительностью, онъ зарапѣе обѣщалъ въ 40 дней избавить Россію отъ кошмара продолжительной войны, и, дѣйствительно, не считая стоянки въ Брестѣ по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, усмирилъ Польшу въ 42 дня.

«Пуля—дура, штыкъ—молодецъ», говорилъ Суворовъ и несчетное число разъ водилъ своихъ чудо-богатырей на приступъ съ поразительной смѣлостью, рѣдкимъ искусствомъ и неизмѣннымъ успѣхомъ.

Съ такимъ войскомъ, слѣдуя принципу «натиска». Суворовъ всякое свое предпріятіе тщательно обду-

---

[1]) Петрушевскій. Т. I.

мывалъ заранѣе, но рѣшившись, никогда не колебался въ исполненіи, всегда настойчиво доводя его до конца. Отсюда всѣ военныя дѣйствія Суворова запечатлѣны характеромъ необыкновенной энергіи и свидѣтельствуютъ о поразительномъ развитіи въ немъ воли.

Таковъ изумительный подвигъ взятія турецкой крѣпости Измаила. Имѣя[1]) мало примѣровъ въ исторіи по размѣрамъ и значенію предпріятія, по неравномѣрности силъ обѣихъ сторонъ, по сложности и трудности задачи, онъ представляетъ въ военныхъ лѣтописяхъ высокій образецъ военнаго искусства, замѣчательный по систематической подготовкѣ и необыкновенной стройности исполненія. Измаильскій штурмъ выдѣляется нечеловѣческимъ упорствомъ и яростью сопротивленія, такъ какъ турки знали, что имъ пощады не будетъ ни отъ русскихъ послѣ предшествовавшихъ переговоровъ, ни отъ султана, обрекшаго ихъ на смерть въ случаѣ сдачи Измаила. Упорство безнадежнаго отчаянія, въ которомъ принимали участіе даже вооруженныя женщины, могло быть сломлено только крайнимъ напряженіемъ энер-

[1]) Петрушевскій. Т. I.

гіи атаковавшихъ. Это было сдѣлано Суворовымъ. Храбрость русскихъ войскъ подъ Измаиломъ дошла какъ бы до совершеннаго отрицанія чувства самосохраненія. Офицеры, главные начальники были впереди, бились, какъ рядовые, перерапены и перебиты въ огромномъ числѣ, а убитые до того изувѣчены страшными ранами, что многихъ нельзя было распознать. Солдаты рвались за офицерами, какъ на какомъ-то состязаніи; десять часовъ непереремежавшейся опасности, нравственнаго возбужденія и физическаго напряженія не умалили ихъ энергіи, не уменьшили силъ. Многіе изъ участниковъ штурма потомъ говорили, что, глядя при дневномъ свѣтѣ и въ спокойномъ состояніи духа на тѣ мѣста, по которымъ они взбирались и спускались въ ночную темноту, они содрогались [1]), не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ и едва ли рискнули бы на повтореніе того же самаго днемъ.

Таковъ же знаменитый штурмъ Праги и много другихъ славныхъ боевыхъ дѣлъ, менѣе блестящихъ и не въ такой степени громкихъ.

---

[1]) Вышина вала и глубина рва были такъ велики, что 5½-саженныя лѣстницы приходилось связывать по двѣ въ одну. (Петрушевскій. Т. I).

Въ Нови французы владѣли неприступной позиціей. Послѣ неудачи австрійцевъ, аттаки русскихъ прямо на Нови, одна за другой, не удавались. Усилія были доведены до послѣдней степени напряженія, но привели къ убѣжденію въ неисполнимости предпріятія. Жаркое итальянское солнце жгло страшно; солдаты падали отъ разслабленія и жажды; легко раненые умирали отъ изнуренія.

Самъ Суворовъ почти безпрестанно былъ въ огнѣ [1]). То онъ встрѣчалъ опрокинутый батальонъ и продолжалъ съ нимъ ретироваться, крича солдатамъ: «молодцы, ребята! заманивай ихъ, заманивай; спасибо, ребята, что догадались»; а потомъ останавливалъ батальонъ съ словами: «теперь пора назадъ, ребята, и хорошенько ихъ!». То по первому звуку его голоса бѣжавшіе сами останавливались, строились и кидались снова на непріятеля. То онъ провожалъ батальоны послѣ предшествовавшей неудачи впередъ и, ѣдучи подъ пулями и картечью, ободрялъ солдатъ, а потомъ пускалъ ихъ на врага, приговаривая: «не задерживайся, иди шибко, бей штыкомъ, коли прикладомъ... ухъ—махни, головой

[1]) Петрушевскій. Т. III.

тряхни!» То, наконецъ, выведенный изъ себя неудачами, онъ слѣзалъ съ коня и, катаясь передъ фронтомъ по землѣ, съ глубокою скорбію кричалъ: «ройте мнѣ могилу, я не переживу этого дня!». Когда генералы и приближенныя лица его успокоивали, онъ отвѣчалъ, что не перенесетъ пораженія при концѣ своего восшаго поприща, и не успокоивался, когда ему возражали, что отбитая атака не есть еще пораженіе. Суворовъ самъ зналъ, что не только далеко до пораженія, но что развязка дѣла находится въ его рукахъ; тѣмъ не менѣе видъ бѣгущихъ солдатъ и послѣдовательно отбиваемыхъ одна за другою атакъ производилъ въ немъ невыносимо-болѣзненное ощущеніе. Горечь, негодованіе, стыдъ кипѣли въ его душѣ и возбуждали неодолимую потребность сломить встрѣченное противодѣйствіе.

«Онъ вообще [1]) не допускалъ возможности прекращать начатую атаку» и признавалъ только два конца—побѣду или смерть; подобная настойчивость не могла не вселять въ войска полнаго довѣрія и прочнаго убѣжденія, что каждое предпринятое нападеніе во всякомъ случаѣ поведетъ къ побѣдѣ.

[1]) Гершельманъ.

И Суворовъ всегда достигалъ побѣды, такъ какъ обладалъ такою нравственною упругостью, что препятствія не уменьшали его настойчивости, но по мѣрѣ сопротивленія возрастало его упорство, предъ которымъ, наконецъ, гнулась или ломалась воля противника. Моро [1]). руководившій дѣйствіями французовъ при Нови, впослѣдствіи высказывался о Суворовѣ, какъ о генералѣ, который обладаетъ стойкостью выше человѣческой, «который погибнетъ самъ и уложитъ свою армію до послѣдняго солдата, прежде чѣмъ отступитъ на одинъ шагъ».

Послѣ этихъ безуспѣшныхъ аттакъ на Нови положеніе Суворова не было безнадежно: у него въ распоряженіи были войска Меласа, которыя онъ вызвалъ своевременно къ себѣ на подкрѣпленіе, и корпусъ Розенберга, которымъ онъ не пользовался. Въ первомъ часу дня отдано было приказаніе прекратить атаки. Бой нѣсколько затихъ по всей линіи. До трехъ часовъ дня войска отдыхали и подкрѣпляли свои силы, а затѣмъ, вмѣстѣ съ прибывшимъ свѣжимъ отрядомъ, вновь пошли на приступъ нагорной позиціи. Французы держались твердо, какъ стѣна,

---

[1]) Петрушевскій. Т. III.

но не устояли и, не имѣя прямого пути для отступленія, сдавались въ плѣнъ или обращались въ безпорядочное бѣгство и гибли во множествѣ. Равнина, скаты и гребни возвышенности, лощины—были усѣяны тѣлами мертвыхъ и умирающими; даже на слѣдующее утро нельзя было проѣхать нѣсколькихъ сотъ шаговъ, чтобы изъ подъ копытъ лошади не раздался болѣзненный стонъ полумертваго страдальца. Очевидецъ говоритъ, что тѣла лежали вокругъ Поли почти сплошь одно около другого, и было ихъ такъ много, «какъ на самомъ урожайномъ полѣ не могло быть сноповъ сжатаго хлѣба» [1]). Побѣда [2]), полная и громадная по своему вліянію, увѣнчала штурмъ, рѣдкій въ исторіи.

Соотвѣтственно качествамъ Суворова, армія, воспитанная имъ, отличалась такою стойкостью, что въ самыхъ отчаянныхъ положеніяхъ не только не теряла мужества, но не допускала даже мысли, что можетъ не побить врага. Обладая богатыми природными качествами, русскій солдатъ въ школѣ Суворова еще выросталъ и складывался въ героя [3]).

---

[1]) Петрушевскій. Т. III, стр. 166 и др.
[2]) Гершельманъ.
[3]) Петрушевскій. Т. III, стр 34

Зимній штурмъ крѣпости, гдѣ засѣла цѣлая армія, оказался возможнымъ для корпуса, сравнительно слабаго, почти, съ половиною спѣшенныхъ казаковъ, изнуреннаго недавней блокадой. Здѣсь же подъ Измаиломъ, во время штурма, колонна обогнула каменную батарею и шла впередъ, не обращая вниманія на то, что въ тылъ ей былъ направленъ жестокій огонь. Подъ Прагой штурмующей колоннѣ внезапно стала грозить съ фланга конница: часть колонны выстроила фронтъ налѣво и бросилась въ штыки: а другая часть продолжала штурмовать, не смущаясь двойной опасностью: кавалерія исчезла. Подъ Кобылкой физическая невозможность задержала пѣхоту назади; нѣсколько эскадроновъ легкой и тяжелой кавалеріи смѣшались и ударили на пѣхотную часть въ сабли: успѣхъ получился полный. На Рымникѣ, гдѣ происходилось бой противъ вчетверо сильнѣйшаго непріятеля и успѣхъ доставался тяжело, признано нужнымъ подѣйствовать на турокъ и ударомъ, и неожиданнымъ впечатлѣніемъ: на неоконченный окопъ, защищавшій позицію, пущена въ атаку конница; турки, оторопѣвшіе при видѣ такой небывалой атаки, были разбиты. Суворовскія войска дѣйствовали со смѣлостью беззавѣтной, дра-

лись, «какъ отчаянные», по собственному выраженію Суворова, который къ этому прибавлялъ: «а ничего нѣтъ страшнѣе отчаянныхъ!» Ихъ настойчивость и упорство, казалось, не знали иного предѣла, кромѣ побѣды; по выраженію одного иностранца, русскіе батальоны «обладали твердостью и устойчивостью бастіоновъ» [1]).

Несокрушимое мужество нашего славнаго полководца подверглось суровому испытанію въ тяжкій періодъ альпійской войны, когда безчисленныя препятствія со стороны дикой горной природы, въ соединеніи съ коварнымъ поведеніемъ вѣроломныхъ союзниковъ нашихъ, передъ лицомъ многочисленнаго непріятеля, поставили русское войско въ тяжелое, грозившее полною гибелью, положеніе [2]). Кромѣ военнаго опыта, полнаго знанія своего солдата, тѣсной связи съ нимъ, магическаго вліянія на войско, нуженъ былъ стальной характеръ, чтобы не остановиться предъ внезапно возникавшими почти непобѣдимыми препятствіями. «Гдѣ проходитъ олень, тамъ пройдетъ и солдатъ»—говорилъ Суворовъ и велъ войско по надоблачнымъ горнымъ

[1]) Петрушевскій. Т. III.
[2]) Петрушевскій.

тропинкамъ, едва доступнымъ для пѣшеходовъ. Въ минуты крайнихъ затрудненій, въ этой полной лишеній борьбѣ съ превосходнымъ по числу врагомъ, Суворовъ говорилъ: «Не дамъ своихъ костей врагамъ; умру здѣсь, и пусть на могилѣ моей будетъ надпись: Суворовъ—жертва измѣны, но не трусости!», и въ горячей, вдохновенной рѣчи на военномъ совѣтѣ онъ убѣждалъ старшихъ начальниковъ своего отряда идти впередъ, возлагая надежду на одного Бога и величайшую храбрость войска, съ непреклонной рѣшимостью—побѣдить или закрыть знамена полковъ своими тѣлами [1]). Неимовѣрныя трудности похода, всѣ препятствія физическія и страданія нравственныя онъ переносилъ съ изумительною твердостью, всегда оставаясь въ передовыхъ частяхъ войска и на виду у солдатъ, ободряя ихъ то веселой шуткой, то разудалой пѣсней, сохраняя до конца всю силу душевную и непоколебимую твердость рѣшенія спасти честь русскаго оружія.

Таковъ былъ Суворовъ и таково было его войско въ главныхъ чертахъ своего боевого облика.

---

[1]) Орловъ.

Чѣмъ питался мощный духъ Суворова? Что поддерживало несокрушимость его духовныхъ силъ? Гдѣ почва, на которой такъ пышно расцвѣлъ его военный геній и въ блескѣ непобѣдимости остался чистымъ отъ всякаго пятна пораженія?

Отвѣтъ на эти вопросы дается ближайшимъ ознакомленіемъ съ духовно-нравственными чертами личности Суворова.

Въ немъ видимъ прежде всего *вѣрность духовнымъ началамъ русской національности.*

Суворовъ былъ истинно русскій человѣкъ. Онъ любилъ свою родину и свой народъ такимъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности, съ его завѣтными вѣрованіями, дорогими преданіями отцовъ, священными обычаями старины, даже съ простыми русскими обычаями, если въ послѣднихъ чувствовалась живая нравственная сила; былъ плотью отъ плоти русской земли—русскимъ по внѣшности, въ мелочахъ повседневной жизни, въ своихъ забавахъ и развлеченіяхъ, справляя святки, напр., съ игрой въ фанты, жмурки, жгуты, со всѣми святочными обычаями; даже въ Прагѣ, въ тяжкій для него годъ вѣроломства союзниковъ, на масляной забавлялся съ гостями на ледяной горѣ; былъ истинно національнъ, такъ

какъ любилъ русскую землю со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ духовное богатство русскаго народа.

Эта духовная близость къ своему народу имѣла громадную важность для практическаго дѣятеля, какимъ былъ Суворовъ. Она ставила его на путь, гдѣ его природный великій талантъ могъ вырасти до размѣровъ геніальнаго дарованія. Путь, по которому Суворовъ шелъ къ собственному величію—какъ въ теоретической выработкѣ своеобразной военной системы, вполнѣ отвѣчавшей особенностямъ національнаго генія русскаго народа, такъ еще больше въ геніальномъ примѣненіи ея къ даннымъ условіямъ момента, былъ тотъ же, которымъ создавалось величіе его родины—вѣрность началамъ православнаго христіанства и самодержавія, нелицемѣрная любовь къ Православной Церкви и совершенная преданность Царю. Въ той дѣятельности, которая предстояла ему, въ военномъ начальствованіи, гдѣ духъ вождя долженъ былъ воплощаться въ подчиненной массѣ, духовное родство съ народомъ было фактомъ самаго первостепеннаго значенія. Оно давало ему въ руки надежное средство для осуществленія предпріятій, прославившихъ его имя и родину, благодаря цѣльному постиженію народнаго духа, совершенному усво-

снію основныхъ началъ русской народности, какъ они изобразились въ исторіи русской. Суворовъ — русскій изъ русскихъ въ своемъ оригинальномъ теоретическомъ творчествѣ и въ славной практической дѣятельности, въ полномъ объемѣ своего историческаго явленія.

«Я горжусь, что я русскій», говаривалъ Суворовъ, и въ такой степени воплотилъ въ своемъ историческомъ обликѣ національныя черты, что въ свою очередь русскій человѣкъ, гордящійся именемъ Суворова, не можетъ не признать въ немъ національнаго героя. Убѣжденный поклонникъ лучшихъ свойствъ своего народа, онъ свою твердую вѣру въ національныя русскія достоинства неизмѣнно вносилъ въ горячій призывъ, съ которымъ обращался къ своимъ чудобогатырямъ въ жуткую минуту предъ битвой. «Братцы, вы русскіе!» восклицалъ онъ, ведя ли войска на востокѣ противъ турокъ, или на западѣ противъ французовъ. Даже свои кобринскія имѣнія [1]), пожалованныя Императрицей въ качествѣ награды за военные подвиги, онъ желалъ обмѣнить на какія-либо другіе, въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, ибо «рус-

[1]) Въ предѣлахъ нынѣшняго Кобринскаго уѣзда Гродненской губерніи.

скій князь, русскія и деревни надобны».—Любя русскій народъ, Суворовъ любилъ и русскій языкъ, какъ выраженіе народной души, видя въ немъ драгоцѣнное орудіе для непосредственнаго дѣйствія на мысль и сердце солдатъ. Его обращенія къ войску навсегда останутся неподражаемыми образцами искусства въ своемъ родѣ. Ихъ подсказывало живое искреннее чувство, а въ форму облекало замѣчательное для своего вѣка знаніе русскаго слова и умѣнье владѣть имъ, дѣлавшія Суворова выдающимся прозаикомъ своего времени [1]).

Любя Россію, русскій народъ, русскую жизнь съ ихъ отличительными особенностями, онъ былъ далекъ отъ національнаго чванства и чуждъ національной исключительности. Не смотря [2]) на саркастическое свойство своего ума, онъ не издѣвался надъ чѣмъ либо чужеземнымъ только потому, что оно не русское, не считая все родное хорошимъ, все чужое дурнымъ: гордился именемъ русскаго потому, что былъ роднымъ сыномъ Россіи: сердце его билось русской кровью, и, въ полномъ соотвѣтствіи съ сердцемъ, дѣйствовалъ европейски

[1]) Половой
[2]) Петрушевскій

просвѣщенный разумъ; преклонялся предъ умственнымъ превосходствомъ запада, но не поступался тѣми началами русской жизни, которыя должны лечь въ основу русской культуры. При чрезвычайной независимости своего характера, Суворовъ, естественно, восхищался своеобразнымъ колоритомъ англійской жизни; но не сталъ вслѣдствіе этого англоманомъ, какъ и ненавистное ему революціонное направленіе французской жизни въ концѣ прошлаго вѣка не сдѣлало его франкофобомъ. Онъ зналъ истинную цѣну своей національности и умѣлъ ее уважать; но во имя ея не замыкался въ какія-либо узкія рамки. Точно также, изучивъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и употребляя ихъ въ устной рѣчи и письменной, онъ не видѣлъ здѣсь отступленія отъ правилъ патріотизма. Ту же мѣрку прилагалъ онъ и къ другимъ русскимъ людямъ, не терпя въ нихъ только неразборчивой подражательности иностраннымъ образцамъ; говоря объ одномъ русскомъ сановникѣ, который не умѣлъ по русски писать, Суворовъ замѣтилъ, что это стыдно, но простить всетаки можно, лишь бы онъ думалъ по русски.

Эта трезвость мысли въ оцѣнкѣ своего—русскаго, и чужого—иностраннаго, не удивительна въ чело-

вѣкѣ, воспринявшемъ всей полнотой своего богато одареннаго существа драгоцѣннѣйшее зерно, изъ котораго развилась, выросла и окрѣпла духовная особность русской націи—*принципъ православія*, и сроднившемся всѣмъ сердцемъ съ православной вѣрой своего народа, съ ея уставами и обрядами, въ которыхъ исторически выразились ея живыя и вѣчныя начала.

Суворовъ былъ религіозенъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Въ теченіе всей своей жизни онъ отличался глубокимъ благочестіемъ и былъ, по выраженію его жизнеописателей, «преисполненъ страха Божія». Въ разговорахъ и рѣчахъ, въ особенности къ солдатамъ, онъ всегда упоминалъ имя Божіе и произносилъ его не всуе. Суворовъ неуклонно исполнялъ всѣ религіозные обряды, предписываемые Прав. Церковью или утвержденные благочестивымъ обычаемъ: клалъ земные поклоны предъ образами; крестился, входя въ комнату или садясь за столъ; проѣзжая мимо церкви, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Къ служителямъ алтаря Божія, онъ относился съ большимъ уваженіемъ и, къ какому бы вѣроисповѣданію священники ни принадлежали, при встрѣчѣ, у всѣхъ ихъ принималъ благословеніе всенародно;

людей-же, вносившихъ въ народную жизнь религіозную рознь, не терпѣлъ. Въ его [1]) приказѣ по одной изъ вотчинъ значится: «крестьяне деревни Федорихи (двое), хотя исполняютъ таинства и обряды, но держатся суевѣріевъ, раскольническихъ правилъ, проклятыхъ св. отцами. Если правда, высѣчь ихъ въ мірскомъ кругу розгами, какъ глупыхъ ребятишекъ. Если же будутъ являться бродяги, кои станутъ совращать въ расколъ, то ихъ ловить и метлами и вѣшками выгонять міромъ вонъ за свою межу».

День Суворова всегда начинался и оканчивался молитвой. Предъ обѣдомъ его адъютантъ читалъ «Отче нашъ», причемъ каждый изъ гостей громко произносилъ заключительное «аминь»: кто не дѣлалъ этого, не получалъ водки за обѣдомъ. Свято и ревниво соблюдалъ Суворовъ посты, даже въ болѣзни не дозволяя себѣ нарушенія предписаній Церкви. Обремененный годами и недугомъ, послѣ похода въ Швейцарію, онъ тяжко заболѣлъ въ Кобринѣ; Императоръ Павелъ узналъ объ его болѣзненномъ состояніи и прислалъ къ нему своего лейбъ-медика Вейкарта, но больной не хотѣлъ и слышать ни уси-

---

[1]) Петрушевскій Т. I.

ленныхъ просьбъ, ни настойчивыхъ доводовъ доктора—оставить употребленіе постной пищи и замѣнить ее скоромною во время великаго поста [1]). «*Мнѣ надобна* деревенская изба, *молитва*, баня, капница да квасъ», говорилъ Суворовъ врачу въ отвѣтъ на его упреки за непослушаніе: «вѣдь, я солдатъ». Вейкартъ на это возражалъ, что онъ, Суворовъ, не солдатъ, а генералиссимусъ. «Правда», отвѣчалъ Суворовъ: «но солдатъ съ меня примѣръ беретъ». Едва начавъ поправляться, съ трудомъ держась на ногахъ, Суворовъ сталъ исправно ходить въ свою домовую церковь и выстаивалъ до конца всѣ великопостныя службы. Вообще въ церкви онъ бывалъ часто, въ праздники всегда; самъ звонилъ въ колокола; выстаивалъ непремѣнно всю службу; молился очень усердно, поминутно крестясь и дѣлая земные поклоны: становился возлѣ клироса или съ пѣвчими, заправляя ими, и пѣлъ службу; любилъ читать апостолъ; церковно-богослужебный кругъ зналъ въ совершенствѣ: въ его комнатѣ въ великомъ посту почти ежедневно отправлялась церковная служба, и дьячкомъ при этомъ былъ онъ самъ. Въ свѣтлый праздн-

[1]) Петрушевскій, Т. III.

никъ онъ христосовался въ деревенской церкви со всѣми и раздавалъ красныя яйца, но самъ не бралъ; на святой недѣлѣ выпускалъ на свободу синицъ, снигирей, щеглятъ, которые въ зимнемъ саду, среди кадокъ съ сосенками, елками и березками, зимовали въ птичьей компатѣ его деревенскаго дома. Весеннее половодье во время пребыванія въ деревнѣ не преграждало ему пути въ храмъ Божій: спустивъ на воду большой вишокуренный чанъ, Суворовъ переѣзжалъ въ немъ, какъ на паромѣ, при помощи каната, укрѣпленнаго на обоихъ берегахъ рѣки. Возвращаясь изъ швейцарскаго похода, старый и больной полководецъ, лишь только почувствовалъ облегченіе, въ праздникъ Пасхи, который онъ привыкъ особенно чтить, черезъ силу надѣлъ на себя мундиръ и былъ въ церкви, не смотря на слабость.

Церкви въ имѣніяхъ Суворова были постояннымъ предметомъ его большихъ заботъ. Значительная часть оброковъ шла на исправленіе старыхъ и на постройку новыхъ храмовъ; онъ пишетъ управляющему имѣніемъ: «я и всѣхъ своихъ оброковъ на этотъ предметъ нимало не жалѣю". Въ новгородскомъ имѣніи, въ Сошинскомъ погостѣ, строилась каменная церковь, и строилась долго: хотя Суворовъ и торопилъ, но

она при его жизни не была еще совершенно окончена. Воздвигалась также небольшая деревянная церковь въ Кончанскѣ, въ господскомъ саду, которая стоитъ до сихъ поръ, возобновленная по прежнему образцу [1]). Въ предсмертной болѣзни онъ мечталъ о сооруженіи въ Кончанскѣ каменной церкви вмѣсто деревянной; тамъ же изъ своихъ дворовыхъ, обученныхъ пѣнію, сформировалъ церковный хоръ и очень интересовался имъ [2]). Одновременно съ заботами о церковныхъ зданіяхъ, утвари и вообще благолѣпіи, дѣлались распоряженія о помѣщеніяхъ для причта и его содержаніи. Суворовъ лишняго не давалъ, но въ необходимыхъ потребностяхъ церковный причтъ обезпечивалъ.

Церковь часто упоминается въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ Суворова по имѣніямъ. Въ Суздальскую [3]) вотчину онъ пишетъ: «крестьянъ, которые самовольно повѣнчались и были грубы противъ священника, отдать на покаяніе въ церковь и приказать говѣть имъ въ Филиповъ постъ». У крестьянина Калашникова умерла отъ оспы малолѣтняя

[1]) Петрушевскій. Т. I.
[2]) Петрушевскій. Т. III.
[3]) Петрушевскій. Т. I.

дочь, и отецъ при этомъ сказалъ: я радъ, что Богъ ее прибралъ, а то она намъ связала руки ; по этому поводу Суворовъ приказываетъ: «Калашникова, при собраніи міра, отправить къ священнику и оставить на три дня въ церкви, чтобы священникъ наложилъ на него эпитимію... Старосту за несмотрѣніе поставить въ церковь на сутки, чтобы онъ молился на колѣняхъ и впредь крѣпко смотрѣлъ за нерадивыми о дѣтяхъ отцами». Встрѣчается даже такой случай: двое крестьянъ были изобличены во лжи; Суворовъ, видѣвшій во лжи, какъ и въ лести, выраженіе крайней испорченности, приказалъ справить съ одного 5, съ другого 10 коп., и отдать въ церковь.

Семейныя неудовольствія сильно угнетали его самого, и для устраненія несогласій съ своей женой, онъ, какъ человѣкъ искренне религіозный, обратился также къ посредничеству церкви. Во то время, о которомъ идетъ рѣчь, Суворовъ былъ на службѣ въ Астрахани. По заранѣе сдѣланному соглашенію, онъ явился въ церковь одного изъ пригородныхъ селъ, одѣтый въ простой солдатскій мундиръ, жена его въ самомъ простомъ платьѣ; здѣсь же находилось нѣсколько близкихъ имъ лицъ. Въ церкви про-

изошло нѣчто въ родѣ публичнаго покаянія. Мужъ и жена обливались слезами; священникъ прочиталъ имъ разрѣшительную молитву и вслѣдъ за тѣмъ отслужилъ литургію, за которой покаявшіеся и примирившіеся причастились Св. Таинъ.

Подобнымъ образомъ, когда съ недугами 68-лѣтняго возраста невыносимымъ гнетомъ легла на душу Суворова немилость Императора Павла, а душевныя силы требовали какого-либо исхода изъ состоянія внутренняго потрясенія, въ которое повергъ его безпримѣрный переворотъ, постигшій его въ концѣ блестящаго поприща, религіозное чувство подсказало ему этотъ исходъ въ обращеніи къ Богу: герой Рымника и Измаила поселился въ самой глуши Новгородской губерніи, въ сѣверовосточной части Боровичскаго уѣзда, подъ унизительнымъ присмотромъ полицейскаго чиновника, и перенесъ несчастіе истиннымъ христіаниномъ, сохраняя обычную твердость духа. Всегда глубоко вѣрующій человѣкъ и послушный сынъ церкви, онъ въ ссылкѣ въ с. Кончанскомъ сдѣлался еще строже въ исполненіи уставовъ церкви [1]). Видя для себя закрытою служебную

---

[1]) Петрушевскій. Т. II

дѣятельность, Суворовъ рѣшилъ уединиться въ монастырѣ и отдаться одному Богу. «Со стремленіемъ спѣшу предстать чистою душою предъ престоломъ Всевышняго», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, а въ другомъ пишетъ: «усмотря приближеніе моей кончины, готовлюсь-я въ иноки». На то же самое довольно явственно указываютъ распоряженія его по имуществу и особенно усиленная заботливость о разъясненіи всѣхъ недоразумѣній по денежнымъ счетамъ. Переходя отъ слова къ дѣлу, онъ пишетъ въ декабрѣ 1798 г. Государю: «Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову новгородскую пустынь, гдѣ я намѣренъ окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости, милосердый государь». Подъ прошеніемъ подпись: «всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ». Отвѣта на просьбу не послѣдовало: великій вождь былъ необходимъ для войны съ Франціей.

Религіозная настроенность Суворова поддерживалась и питалась духовнымъ чтеніемъ. Близко знакомый съ книгами религіозно-нравственнаго содержанія, которыхъ имѣлъ всегда немало, Суворовъ съ любовью отдавался чтенію ихъ и библіи. Болѣзнь

въ Кобринѣ [1]) усиливала обычное благочестіе Суворова, и онъ не только во время богослуженія, но и въ остальные часы дня обращался къ Богу, размышляя о предметахъ религіозныхъ. Однимъ изъ образчиковъ такого настроенія можетъ служить его записка съ толкованіемъ заповѣдей: «Первая и вторая заповѣди—почтеніе Бога, Богоматери и святыхъ; оно состоитъ въ избѣжаніи отъ грѣха; источникъ его—ложь; сей товарищи—лесть, обманъ. 3) Изрекать имя Божіе со страхомъ. 4) Молитва. 5) Почтеніе вышнихъ. 6) Убійство не однимъ тѣломъ, но словомъ, мыслью и злонамѣреніемъ. 7) Разумѣть въ чистотѣ жизни, юношамъ отнюдь и званія не выговаривать, не только что спрашивать... коль паче греческихъ грѣховъ, упоминаемыхъ въ молитвахъ къ причащенію, отнюдь не касаться, какъ у насъ ихъ нѣтъ, и что только служитъ къ беззаконному направленію. 8) Кража не изъ одного кармана, но особливо въ картахъ, шашкахъ и обмѣнахъ. 9) Идетъ къ первой и второй, хотя значитъ только къ свидѣтельству. 10) Кто знатнѣе, идетъ къ интригамъ, а вообще... не желать и не искать ничего. Будь

---

[1]) Петрушевскій. Т. III.

христіанинъ: Богъ самъ дастъ и знаетъ, что когда дать».

Въ послѣдніе годы жизни религіозность Суворова еще болѣе возрасла. Онъ, напр., постоянно посылалъ деньги на поминовеніе родителей въ церковь Ѳеодора Студита въ Москвѣ, а въ 1796 г. послалъ деньги на тотъ же предметъ и въ другую церковь, сдѣлавъ кромѣ того въ нее вкладъ; прежнее строгое соблюденіе постовъ еще усилилъ, не принимая никакой пищи въ продолженіе послѣднихъ трехъ дней страстной недѣли.

Умеръ Суворовъ истиннымъ христіаниномъ. Еще въ турецкую войну, во время страданій отъ сквозной раны пулей въ шею, онъ искалъ утѣшенія въ таинствахъ св. Церкви—исповѣди и причащеніи; тогда болѣзнь благополучно миновала. Въ 1799 г., [1]) когда нельзя было обманываться на счетъ исхода предсмертной болѣзни Суворова, близкіе люди стали говорить умирающему о долгѣ покаянія и причастія, но онъ не соглашался: ему не хотѣлось вѣрить, что жизнь его кончается. Зная его благочестіе, окружающіе настаивали и, наконецъ, убѣдили: Суворовъ

---

[1]) Петрушевскій. Т. III.

исполнилъ послѣдній долгъ христіанина и простился со всѣми. Предъ кончиной, обратившись всѣми мыслями къ Богу, онъ сказалъ: «долго гонялся я за славой — все мечта: покой души у престола Всевышняго» [1]).

Суворова нельзя заподозрить въ ханжествѣ: въ томъ убѣждаетъ *строго-нравственный характеръ его жизни.*

По честности понятій и убѣжденій онъ былъ выше современнаго ему общества: предпочиталъ увеличивать свое состояніе личными усиліями [2]), и не держался общаго тогда правила умножать недвижимость, прибѣгая къ милостямъ и щедрости Императрицы, къ испрашиванію пособія изъ средствъ государства; для полученія чина или награды, не поступался правилами нравственности и всѣ отличія получилъ за боевыя заслуги; равнымъ образомъ не давалъ битвъ и не допускалъ предпріятій, которыя служили бы только для удовлетворенія его честолюбія, [3]) и не нужны были бы въ общей экономіи войны. Онъ былъ правдивъ и прямодушенъ, «не

---

[1]) Петрушевскій. Т. III.
[2]) Петрушевскій. Т. III, стр. 228.
[3]) Орловъ.

разумѣлъ изгибовъ лести и ласкательствъ» и потому имѣлъ много враговъ. Послѣ взятія Измаила, на вопросъ князя Потемкина: «чѣмъ могу я наградить ваши заслуги, графъ Александръ Васильевичъ?» пренебрегая ласкательствомъ и подслуживаніемъ, Суворовъ отвѣтилъ: «ничѣмъ, князь! Я не купецъ, и не торговаться сюда пріѣхалъ; кромѣ Бога и Государыни никто меня наградить не можетъ» и тѣмъ нажилъ во всесильномъ вельможѣ непримиримаго врага. Точно также настойчивое стремленіе искоренить злоупотребленія въ военной сферѣ и откровенныя донесенія о нихъ вооружили противъ Суворова много сильныхъ и вліятельныхъ лицъ.

Какъ высоко понималъ Суворовъ нравственный долгъ, видно изъ рѣшимости его лучше совершенно оставить любимое военное дѣло и доживать свой вѣкъ въ мучительномъ бездѣйствіи, почти въ двухгодовомъ томленіи изгнанія и опалы, чѣмъ, вопреки внутреннему голосу совѣсти, продолжать службу— безъ пользы государству и во вредъ себѣ.

По народному воззрѣнію, не могъ на него прямо смотрѣть тотъ, у кого не чиста совѣсть [1]). Народ-

---

[1]) Петрушевскій. Т. III, стр. 301.

ныя и солдатскія пѣсни не связываютъ съ именемъ Суворова ни одного темнаго дѣла, не относятъ къ нему ни одного сомнительнаго поступка; онъ чистъ отъ всякаго упрека, и одинъ ничего не боится, ни предъ чѣмъ не робѣетъ.

Безупречный въ служебной дѣятельности, Суворовъ былъ такимъ же въ своей частной жизни. Черты, которыми онъ рисуетъ характеръ истиннаго героя, цѣликомъ воплощены въ немъ самомъ: «герой—властитель справедливости и воздержанія; нравственность его—религія» [1]). Не только не одобрялъ примѣровъ разврата, но и двусмысленныхъ словъ онъ не терпѣлъ въ своемъ присутствіи. Вообще нравственная дисциплина его жизни была образцомъ для другихъ, отражая на себѣ прочные религіозные взгляды.

Въ его отношеніяхъ къ людямъ, частныхъ и общественныхъ, было много мягкости и человѣчности. «Милосердіе, благотворительность, правдолюбіе, цѣломудріе были добродѣтелями, украшавшими Суворова. Онъ не щадилъ благотвореній, давалъ, что могъ и скрывалъ благодѣянія» [2]). «Добро дѣлать

[1]) Фуксъ.
[2]) Полевой.

спѣшить должно» — вотъ постоянное правило его жизни [1]). Участливость Суворова къ положенію нуждающихся часто переходила въ щедрость. Многіе совершенно посторонніе ему люди получали отъ него крупную денежную помощь — въ нѣсколько тысячъ рублей; многіе, даже плѣнные польскіе офицеры, пользовались отъ него пожизненной пенсіей [2]).

Безсердечіе Суворова—выдумка его враговъ. Въ бою онъ былъ неумолимъ [3]) по отношенію къ непріятелю съ оружіемъ въ рукахъ; разъ добившись признака разстройства въ рядахъ противниковъ, не давалъ имъ ни на минуту опомниться, быстро и настойчиво развивалъ въ нихъ упадокъ духа и неотвязчивымъ преслѣдованіемъ, не щадя своихъ войскъ, доводилъ враговъ до полнаго и рѣшительнаго разстройства. Но лишь только непріятель бросалъ оружіе, Суворовъ изъ неумолимаго бойца и безпощаднаго преслѣдователя обращался въ великодушнаго рыцаря. Особеннымъ вниманіемъ и лаской пользовались у него плѣнные офицеры и генералы. О всѣхъ вообще плѣнныхъ онъ заботился и строго

---

[1]) Фуксъ.
[2]) Петрушевскій. Т. II.
[3]) Гершельманъ.

приказывалъ обходиться съ ними человѣколюбиво; что касается раненыхъ непріятелей, то предписывалъ подавать имъ туже помощь, что своимъ. Заботливость Суворова въ данномъ отношеніи была такъ велика, что всякую рѣчь, приказъ или диспозицію передъ боемъ онъ заканчивалъ предписаніемъ мѣръ милосердія къ побѣжденному и безоружному противнику, не забывая напомнить солдатамъ—непріятеля, просящаго пощады, щадить, безоружныхъ не убивать, съ бабами не воевать, малолѣтковъ не трогать. «Обывателя» добавляетъ онъ, «не обижай: онъ насъ поитъ и кормитъ; солдатъ не разбойникъ» [1]).

---

[1]) Уступая обычаямъ своего времени, Суворовъ говорилъ въ своемъ военномъ катехизисѣ: „возьмешь лагерь—все твое, возьмешь крѣпость—все твое“ (Петрушевскій. Т. II, 120 стр.). Но самъ никогда ничего не бралъ себѣ изъ военной добычи. Даже когда привели къ нему на память о славномъ днѣ взятія Измаила великолѣпнаго, въ богатомъ уборѣ коня, онъ отказался и отъ коня, сказавъ: „донской конь привезъ меня сюда, на немъ же я отсюда и уѣду“. Одинъ изъ генераловъ замѣтилъ, что теперь тяжело будетъ Суворовскому коню вести на себѣ вновь добытые лавры, Суворовъ отвѣчалъ: „донской конь всегда выносилъ меня и мое счастье“. Не даромъ же солдаты говорили: „нашъ Суворовъ въ побѣдахъ и во всемъ съ нами въ паю, только не въ добычѣ“ (Петрушевскій. Т. I, 396 стр.).

По взятіи Праги всѣ добровольно сдавшіеся плѣнные были, по приказанію Суворова, [1]) немедленно отпущены на свободу съ выдачей паспортовъ. Тогда же онъ чрезвычайно привѣтливо обошелся съ плѣнными генералами и пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ вмѣстѣ со всѣми штабъ-офицерами въ числѣ 450 чел.; со слезами благодарилъ Бога, когда депутаты Варшавскаго магистрата, устрашенные разгромомъ Праги, явились къ нему съ изъявленіемъ покорности и тѣмъ избавили его отъ новаго кровопролитія; въ Варшавѣ, на просьбу короля объ освобожденіи одного офицера изъ плѣна, предложилъ ему выбрать 500 человѣкъ изъ числа отправленныхъ въ Россію плѣнныхъ офицеровъ. Вообще, всѣ его дѣйствія, служившія къ умиротворенію польскаго края, отличались большой мягкостью. Та же черта отличала дѣятельность Суворова съ самаго начала польской кампаніи. Въ Несвижѣ, гдѣ послѣ сраженія при Сталовичахъ оставлены были взятые въ плѣнъ поляки, всѣ плѣнные польскіе офицеры были приглашены къ нему на обѣдъ. По дорогѣ къ Пинску, встрѣтивъ конфедератскаго офицера съ полковою

[1]) Гершельманъ.

казной, Суворовъ далъ ему пропускъ и отпустилъ его вмѣстѣ съ деньгами къ мѣсту назначенія; неоднократно приказывалъ содержать плѣнныхъ ласково и хорошо, «хотя бы то было и сверхъ надлежащей порціи»; при капитуляціи Краковскаго гарнизона отказался взять шпаги у французскихъ офицеровъ, обнялъ и поцѣловалъ ихъ начальника Шуази и всѣхъ пригласилъ къ завтраку. Вообще же своими мѣрами, внушенными милосердіемъ, за короткое время пребыванія въ Литвѣ, Суворовъ, по свидѣтельству историковъ, много способствовалъ умиротворенію края. Впослѣдствіи Суворовъ говорилъ, что Польша побѣждена не оружіемъ, а великодушіемъ [1]).

Подобнымъ образомъ, при усмиреніи расшатаннаго пугачевщиной обширнаго восточнаго края Европейской Россіи, гдѣ Государыня не хотѣла примѣнять крайнихъ мѣръ, Суворовъ прибѣгалъ къ силѣ, какъ къ послѣднему средству, и старался дѣйствовать прежде всего кротостью и убѣжденіемъ. Въ этомъ случаѣ онъ поступалъ по внутреннему своему влеченію, и потому могъ чрезъ 12 лѣтъ написать, что

[1]) Петрушевскій. Т. I, II.

его «политическими распоряженіями и военными маневрами бунта башкировъ и иныхъ безъ кровопролитія сокращены, но паче Императорскимъ милосердіемъ» [1]).

Въ концѣ восемнадцатаго вѣка, извѣстнаго печальнымъ развитіемъ религіознаго вольнодумства, преобладаніемъ роскоши и нравственной распущенностью, Суворовъ, съ религіознымъ настроеніемъ своего ума, съ патріархальной простотой своей жизни, съ рѣдкой чистотой нравственнаго чувства, былъ замѣчательнымъ духовнымъ явленіемъ своего времени. Ни въ мысляхъ, ни въ убѣжденіяхъ, ни въ практической жизни онъ не порвалъ тѣсной связи съ Церковью и благочестивыми обычаями предковъ.

Съ любовію къ родинѣ и своему народу, съ преданностью вѣрѣ православной Суворовъ соединялъ безграничную *вѣрность священной особѣ Монарха*, одинаково преданный ему въ славѣ почестей и въ униженіи изгнанія. Послѣ воли Божіей для него на землѣ не было силы выше воли Монаршей.

Царь, помазанникъ Божій, былъ для него предметомъ глубочайшаго благоговѣнія. Лично представляясь

---

[1]) Петрушевскій. Т. I.

Императрицѣ или Монарху, онъ никогда не отступалъ отъ своего обычая двукратно кланяться до земли; крестовикъ, полученный на карауле въ подарокъ отъ Императрицы, хранилъ въ теченіе всей своей жизни, цѣнилъ выше многихъ позднѣйшихъ наградъ, какъ знакъ Высочайшаго вниманія къ рядовому часовому, и, будучи генералиссимусомъ, съ гордостью вспоминалъ, что первую награду получилъ, какъ лихой солдатъ. Во время болѣзни въ Кобринѣ и въ Кончанскомъ, царское вниманіе дѣйствовало на него благотворнѣе всѣхъ лекарствъ. Напутствуя вступленіе своей дочери въ жизнь, по окончаніи ею курса въ Смольномъ монастырѣ, Суворовъ писалъ: «Будь непререкаемо вѣрна великой Монархинѣ. Я — ея солдатъ, я умираю за отечество; чѣмъ выше возводитъ меня ея милость, тѣмъ слаще мнѣ пожертвовать собою для нея. Смѣлымъ шагомъ приближаюсь я къ могилѣ, совѣсть моя не запятнана, мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, тѣло мое изувѣчено ранами, и Богъ оставляетъ меня жить для блага государства» [1]). По выходѣ дочери въ замужество, чувствуя свое одиночество, онъ восклицаетъ: «*Родство и свойство*

---

[1]) Петрушевскій. Т. II.

мое съ долгомъ моимъ: Богъ, Государь и отечество!» Внушенный религіей взглядъ на власть, какъ на учрежденіе Божественнаго происхожденія, опредѣлялъ отношеніе Суворова къ побѣжденному польскому королю Станиславу - Августу, и въ немъ Суворовъ видѣлъ поставленнаго свыше властителя; руководимый этою же мыслію, онъ преклонялся предъ Людовикомъ французскимъ, королемъ-претендентомъ, нашедшимъ убѣжище въ предѣлахъ Россіи — въ Митавѣ, цѣловалъ его руку и полу платья. По той же причинѣ, послѣ кровавыхъ событій революціи, французы были въ глазахъ Суворова, глубоко убѣжденнаго монархиста, «безбожниками, убившими своего короля» [1]).

Послѣдній, предсмертный подвигъ Суворова, его участіе въ войнѣ 1799 г. противъ Франціи, прекрасно изображаетъ въ немъ *сочетаніе любви къ Богу съ преданностью Царю.*

Рано выступивъ на военное поприще, Суворовъ на западно-европейскомъ театрѣ войны появился уже на закатѣ своей долголѣтней жизни съ громкой славой непобѣдимаго вождя русскихъ силъ. Онъ оставилъ заслуженный покой и, покорный державному

[1]) Петрушевскій. Т. III.

слову своего Государя, поднялъ русское оружіе на защиту попраннаго права монарховъ и для возстановленія разрушенныхъ революціей алтарей христіанства: возсталъ, по выраженію Высочайшаго манифеста, «спасать царей и народы», возстановлять, по его собственнымъ словамъ, «наслѣдственныя владѣнія царственныхъ особъ безкорыстными завоеваніями, привлекая народную любовь справедливостью».

Побужденія, которыми Суворовъ руководился, были высоки. Какъ человѣкъ глубоко вѣрующій [1]), онъ съ ужасомъ отвращался отъ безбожія, немногимъ лучше считалъ индифферентизмъ (равнодушіе — холодность въ дѣлахъ вѣры) и признавалъ заблужденіями всякія вѣроученія нехристіанскія. Давно, [2]) среди неутомимыхъ и разнообразныхъ трудовъ служебныхъ, внимательно слѣдя за ходомъ политическихъ дѣлъ, онъ наблюдательнымъ умомъ скоро постигъ всю важность тогдашнихъ событій во Франціи. Ставши непримиримымъ врагомъ революціоннаго духа, онъ въ глубинѣ души негодовалъ на низверженіе во Франціи монархическаго правленія. Съ тѣхъ

---

[1]) Петрушевскій.
[2]) Орловъ.

поръ, какъ атеизмъ (безбожіе) получилъ во Франціи государственное значеніе, войну съ ней Суворовъ считалъ священной. Благочестивый русскій воинъ, онъ горѣлъ пламеннымъ желаніемъ поразить безбожную революцію, удержать ея бурный потокъ, который въ то время широко разливался по западной Европѣ, не встрѣчая силы, способной остановить его побѣдоносное движеніе.

Семидесятилѣтній полководецъ, «посѣдѣвшій подъ лаврами», по выраженію Императора Павла, плакалъ отъ радости, получивъ Высочайшій рескриптъ, призывавшій его къ командованію союзной арміей; цѣловалъ строки царскія, побѣжалъ въ свою сельскую церковь и велѣлъ отслужить молебенъ; молился усердно, стоя на колѣняхъ, и черезъ два часа мчался въ простой кибиткѣ. «Да спасетъ Богъ тебя для спасенія царей», говорилъ Императоръ, возлагая на Суворова орденъ Іоанна Іерусалимскаго. Бодро и радостно отправился Суворовъ противъ «враговъ Вѣры христіанской и власти, отъ Всевышняго поставленной» (Высоч. рескр.), «для востановленія угнетенныхъ Государей и религій» (Сувор.). На поляхъ, гдѣ прежде бились Аннибалъ, [1]) Цезарь, принцъ

[1]) Блестящая побѣда на Треббіи была одержана Сувo-

Евгеній и др., Суворовъ явился безкорыстнымъ рыцаремъ идей христіанства и монархизма, благороднымъ бойцомъ за правду, безъ тѣни какихъ либо низменныхъ разсчетовъ. Свою боевую опытность, пріобрѣтенную на самыхъ разнообразныхъ театрахъ войны: на равнинахъ Пруссіи, въ лѣсахъ и болотахъ Польши и Литвы, въ степяхъ Молдавіи и Валахіи, въ Крыму, Новороссіи, Сѣверномъ Кавказѣ и Оренбургскомъ краѣ, — горячую ревность христіанина и патріота, рѣдкую въ исторіи славу полководца, не помраченную ни однимъ пятномъ пораженія, онъ сполна принесъ на служеніе чести и правдѣ...

Каждый изъ членовъ коалиціи, къ которой присоединилась Россія въ войнѣ противъ Франціи въ 1797 г., имѣлъ свои матеріальные интересы: Турція и Неаполь отстаивали свои владѣнія—первая противъ нападенія Наполеона на Египетъ, второй противъ провозглашенія въ своихъ предѣлахъ Парѳенопейской республики; Австрія хотѣла сохранить отъ захватовъ французовъ свои земли и пріобрѣсти

ровымъ надъ французами въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ за 218 лѣтъ до нашей эры Аннибалъ разбилъ на голову римлянъ. (Петрушевскій. Т. III.).

новыя: Англія хлопотала объ усиленіи своего морскаго могущества ослабленіемъ Франціи, уничтоженіемъ французскаго и голландскаго флотовъ. Одна Россія, впервые двинувшая свои войска такъ далеко отъ своихъ границъ на обширное пространство отъ Италіи до Голландіи, безкорыстно преслѣдовала общій интересъ, имѣя «цѣлью благоденствіе цѣлаго міра, а руководителемъ—честь». Въ основную мысль крестоваго похода противъ Франціи искренно вѣрилъ только Императоръ Павелъ.

Боевая [1]) слава непобѣдимости, пріобрѣтенная и закрѣпленная за Суворовымъ въ войнахъ съ Турціей и Польшей, не измѣнила ему въ Италіи и Швейцаріи: лучшіе французскіе полководцы, при встрѣчѣ съ русскимъ вождемъ, въ которомъ удивительно счастливо соединялись опытъ старости и порывы молодости, потерпѣли рѣшительное пораженіе; французскія войска, семь лѣтъ побѣдоносно противостоявшія образцовымъ европейскимъ арміямъ, одно за другимъ были имъ побиваемы на голову. Суворовъ уже мечталъ о вторженіи въ глубь Французской республики. Но зависть союзниковъ къ гром-

[1]) Петрушевскій; Орловъ.

кой славѣ русскаго оружія оказалась вредоноснѣе вражды открытыхъ враговъ: коварная измѣна австрійцевъ поставила русское войско на край гибели. Военный геній Суворова съ честью, однако, преодолѣлъ всѣ безчисленныя препоны, поставленныя ему на пути суровою природою, предпріимчивостью смѣлаго врага и безчестнымъ двоедушіемъ друзей. Въ опасной переправѣ черезъ быстро текущіе потоки, въ рискованномъ переходѣ черезъ стремнины горныхъ рѣчекъ, чрезъ ревущіе водопады, бѣшено низвергающіеся съ высоты,—чрезъ зіяющія пропасти, чрезъ столѣтній снѣгъ горныхъ вершинъ, чрезъ невѣрный ледъ глубокихъ долинъ и надоблачныя кручи альпійскихъ утесовъ,—въ каждомъ шагѣ впередъ преодолѣвалась двойная тягость: напряженность непрерывнаго приступа противъ дикой природы и постоянная опасность неравной борьбы съ наступавшимъ врагомъ. Требовалось мужество Суворовскихъ войскъ, чтобы совершить этотъ безпримѣрный переходъ. Невѣроятно трудный походъ «съ русскими орлами» чрезъ снѣжныя громады альпійскихъ горъ увѣнчалъ новыми лаврами престарѣлаго вождя. Въ мнѣніи Императора Павла, полнаго истинно рыцарскаго духа, спасеніе чести русскаго оружія въ об-

стоятельствахъ безнадежныхъ было величайшей національной заслугой. По его мѣткому выраженію, Суворову, всюду и во всю жизнь побѣждавшему враговъ, не доставало одного рода славы—преодолѣть и самую природу; но и надъ нею одержалъ верхъ Суворовъ, въ 17 дней совершивъ альпійскій походъ. Здѣсь онъ сдѣлалъ все, на что только способна человѣческая воля, и потому его Швейцарская кампанія [1]), поразившая воображеніе современниковъ, давшая богатый матеріалъ для легенды русской и иностранной, справедливо считается выходящимъ изъ ряда предпріятіемъ во всемірной военной исторіи, крайнимъ выраженіемъ военной теоріи Суворова, славнымъ вѣнцомъ его военнаго поприща. Переходъ [2]) русскихъ войскъ черезъ Альпы до сихъ поръ живетъ въ памяти мѣстныхъ жителей, какъ преданіе полубасословное: показывая на тропинку, едва замѣтную въ скалахъ, швейцарецъ говоритъ: «здѣсь проходилъ Суворовъ»; на картахъ Швейцаріи тропинка эта обозначена простою подписью: «путь Суворова въ 1799 году». Распространенная между горцами легенда гласитъ, будто, много

[1]) Петрушевскій.
[2]) Орловъ.

лѣтъ послѣ смерти Суворова, не разъ видѣли его на высяхъ С. Готарда верхомъ на сѣрой лошади, что въ горныхъ тѣснинахъ и ущельяхъ верхней Рейсы неоднократно появлялась тѣнь сѣдого старика и огневыми глазами осматривала утесы, обагренные русскою кровію.

Неподражаемый по своему величію, единственный въ военной исторіи подвигъ Суворова удовлетворялъ чувству военной чести, самому требовательному и щепетильному, льстилъ національной гордости русскихъ людей, но въ душѣ героя оставилъ тайную горечь несбывшейся мечты: «чудовище революціи» Наполеонъ сталъ полновластнымъ распорядителемъ судьбы Франціи, когда предательство фальшивыхъ друзей Россіи вырвало изъ рукъ Суворова мечъ, уже готовый указать путь, по которому, чрезъ 14 лѣтъ потомъ, русскіе прошли отъ пепелища Москвы до Парижа» [1]). Въ этой идейной противоположности Суворова Наполеону, какъ представителя началъ христіанства и монархизма въ борьбѣ съ принципомъ анархической революціи, не лучшая ли похвала высшимъ національнымъ свойствамъ патріотизма нашего знаменитаго генералиссимуса, въ самоотвержен-

[1]) Полевой.

номъ служеніи родинѣ нераздѣльно сочетавшаго сыновнюю вѣрность Церкви съ полною преданностью Царю? Онъ унесъ съ собой въ могилу неизлѣчимую душевную рану, не доведя до конца поставленной его времени европейской исторіей задачи, которую онъ могъ осуществить легче, чѣмъ кто-нибудь другой, по глубокому убѣжденію его современниковъ, не только русскихъ, но и иностранныхъ, особенно англичанъ, бывшихъ восторженными поклонниками нашего героя.

Дальнѣйшій ходъ событій оправдалъ его грустное разочарованіе: потоки крови, пролитой Наполеономъ, бѣдствія двѣнадцатаго года, разореніе Москвы... Между многочисленными народными легендами одна представляетъ Суворова древнимъ старцемъ, склонившимъ свою сѣдую голову на уступъ камня въ пещерѣ, внутри каменной глыбы, въ дремучемъ лѣсу; давно спитъ дѣдушка и проснется только тогда, когда покрется русская земля кровью боевому коню по щиколотку; тогда встанетъ великій русскій воинъ, выйдетъ изъ своей усыпальницы и освободитъ отечество отъ лютой невзгоды [1]). Въ двѣнадцатомъ году самый размѣръ бѣдствія, пора-

[1]) Петрушевскій. Т. III.

зившаго Россію, вызвалъ изъ гроба грозную врагамъ тѣнь Суворова: его духъ ожилъ въ доблестныхъ подвигахъ героевъ отечественной войны, изъ которыхъ многіе (Кутузовъ, Багратіонъ, Милорадовичъ, Денисовъ, Каменскій и др.) были его достойными сподвижниками и храбрыми участниками громкихъ побѣдъ. «При Бородинѣ и Тарутинѣ, при Вязьмѣ и Краснымъ, въ первыхъ рядахъ русскаго воинства стали тѣ, которые сражались при Требіи и Нови; непріятели узнали ихъ по дѣламъ, ими совершеннымъ, и вспомнили Суворова» [1]). Не даромъ въ самой Россіи періодъ Наполеоновскихъ войнъ былъ временемъ наибольшаго поклоненія Суворову въ настоящемъ столѣтіи.

Суворовъ былъ великій патріотъ, и люди, желающіе принести жертву на алтарь своего отечества, всегда найдутъ въ немъ высокій образецъ для подражанія. Великое дѣло—любовь къ принятой на себя обязанности! Плодотворна и благословенна отъ Бога святая преданность служебному долгу! Пламенный патріотизмъ воодушевлялъ Суворова въ ревностномъ исполненіи долга своего званія на всѣхъ стадіяхъ служебнаго поприща. Живо и глубоко Суво-

[1]) Богдановичъ.

ровъ сознавалъ свои обязанности и въ низшемъ званіи солдата, и на высшихъ ступеняхъ военно-іерархической лѣстницы: лихой солдатъ, исправный капралъ, исполнительный подпрапорщикъ, усердный сержантъ, заботливый и предусмотрительный военачальникъ, онъ остался образцовымъ служакой на всю жизнь. Чистая душа Суворова, этого великаго гражданина, преданнаго сына своей родины, была воспитана на образцахъ гражданскихъ и военныхъ доблестей. Сочиненія Плутарха и Корнелія Непота были его любимымъ чтеніемъ и съ дѣтства внушили ему преклоненіе предъ великими историческими именами. Ихъ подвиги стали его идеаломъ. Жизнь въ его глазахъ имѣла возвышенную цѣль—величіе родины, побѣду надъ врагами своего отечества, а путь къ цѣли—это *трудъ*,—безконечный, упорный, не ослабѣвающій, трудъ, возведенный на степень нравственнаго долга, растущій по мѣрѣ увеличенія препятствій, но не убаюкивающій себя послѣ успѣха, не обольщающійся никакимъ торжествомъ удачи.

Въ родительскомъ домѣ Суворовъ учился безъ системы и методичности, но съ горячимъ рвеніемъ, частію самостоятельно, частію подъ руководствомъ отца, который познакомилъ его, между прочимъ, съ

фортификаціей и артиллерійскимъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ жаждою знанія и уваженіемъ къ наукѣ онъ вынесъ отсюда такое приготовительное образованіе, какого обыкновенно не получали военные люди его времени [1]). Первоначальное воспитаніе старательно дополнялъ въ годы юности; не отдаваясь развлеченіямъ, усердно читалъ, изучалъ и, не замыкаясь въ узкій кругъ спеціальнаго дѣла, достигалъ разносторонняго развитія своего, отъ природы сильнаго, ума. Рано усвоивъ французскій и нѣмецкій языки, широко воспользовался ими для образовательныхъ цѣлей; равно въ зрѣлыхъ годахъ и даже въ старости не опускалъ случаевъ изучить языки финскій, итальянскій и турецкій.

Поступивъ въ полкъ на 15 году, сразу сдѣлался настоящимъ солдатомъ. Служба не имѣла для него значенія принудительнаго труда. Онъ отдавался ей съ увлеченіемъ, съ радостью; знакомился съ нею во всѣхъ подробностяхъ, даже необязательныхъ для него; исправно несъ обязанности солдата во всѣхъ положеніяхъ—важныхъ и незначительныхъ, легкихъ и трудныхъ. Въ бытность солдатомъ изучилъ во всей

---

[1]) Петрушевскій. Т. I.

подробности воинскіе уставы и постановленія, постоянно бывалъ на строевыхъ ученьяхъ и ходилъ въ караулъ, самъ чистилъ ружье, раздѣлялъ съ нижними чинами всѣ ихъ служебные труды. Онъ ничего не дѣлалъ на половину: всякую обязанность свою, каждое служебное требованіе исполнялъ съ величайшей точностью.

Съ тою же добросовѣстностью, съ какой служилъ солдатомъ, Суворовъ относился и къ сержантскимъ обязанностямъ; самъ напрашивался на трудныя служебныя порученія и большую часть времени проводилъ въ казармахъ.

Честное отношеніе къ служебному долгу вело его къ новому и новому пріобрѣтенію разносторонних познаній. Въ первые годы по производствѣ въ офицеры, въ должности оберъ-провіантмейстера внимательно изучалъ порядокъ хозяйственнаго устройства войскъ. Среди предметовъ общаго образованія, исторіи и литература стояли у него на первомъ планѣ. Онъ посѣщалъ въ Петербургѣ засѣданія общества любителей русской словесности и читалъ тамъ свои литературные опыты. Впослѣдствіи въ Финляндіи, куда былъ командированъ для укрѣпленія границъ, расширилъ и углубилъ свое знакомство съ инженерной

наукой и прекрасно зналъ ее. Отпуская офицера за границу, онъ требовалъ отъ него отчета въ видѣнномъ и слышанномъ во время отпуска или командировки. Такъ, живая любознательность указывала ему пути для постояннаго обогащенія своего ума новыми знаніями. Безъ умственной пищи Суворовъ не могъ оставаться. Никогда не вынося бездѣйствія и не терпя шумнаго общества, онъ неизмѣнно предавался любимому занятію—чтенію произведеній русской и иностранной литературы. Его привлекало знаніе вообще, въ смыслѣ расширенія умственнаго кругозора, и потому читалось все: газеты—нѣмецкія (гамбургскія, вѣнскія, берлинскія, эрлангенскія), французскія, польскія (варшавскія), русскія (московскія, петербургскія),—журналы, военные мемуары, исторія, статистика, путешествія; доставались для чтенія не только книги, но и рукописи. Въ инвентаряхъ его имущества 80-хъ годовъ значатся немалыя количества книгъ; въ московскомъ домѣ сохранялось 14 сундуковъ и одна коробка книгъ; въ кончанскомъ домѣ было меньше, но все же довольно много, особенно религіознаго содержанія [1]).

---

[1]) Петрушевскій. Т. I.

Въ званіи полкового командира, выработавъ собственную программу военнаго обученія, Суворовъ выполнялъ ее непосредственно самъ и, если чрезъ другихъ, то въ своемъ присутствіи, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ. Онъ самъ водилъ войска къ побѣдѣ, самъ и училъ ихъ побѣждать. Воинскія упражненія мирнаго времени, по свойству взгляда Суворова на военную выучку, были для него весьма серьезнымъ дѣломъ и требовали большого труда. Для лучшаго достиженія цѣли, онъ стремился обыкновенныя экзерциціи возможно больше приблизить къ условіямъ военнаго времени, до послѣдней степени облегчить переходъ отъ ученья къ обстановкѣ боя. Упражняя войско [1]) въ поворотахъ, пріемахъ, скоромъ зарядѣ, примѣрной стрѣльбѣ съ исправнымъ прикладываніемъ, въ маршированіи тихо, скоро и поспѣшно, въ наступательныхъ эволюціяхъ съ захожденіемъ, разнообразнымъ движеніемъ и обращеніями фронтовъ, въ штыковыхъ атакахъ, стрѣльбѣ въ мишень и т. д., онъ пріучалъ солдатъ дѣйствовать соотвѣтственно различію положенія мѣстъ— ровныхъ, низкихъ, высокихъ, лѣсистыхъ и болот-

[1]) Петрушевскій. Т. I.

ныхъ; безпрестанными походными движеніями развивалъ въ войскѣ привычку къ настоящимъ военнымъ походамъ, чрезъ что пріобрѣталась практика бивуакированія, приготовленія пищи, переправъ черезъ рѣки, переходовъ чрезъ гористыя, болотистыя и иныя мѣстности. Безразлично—днемъ или ночью, въ жаръ или холодъ, Суворовъ ударитъ тревогу, и водитъ полкъ иногда по нѣсколько дней сряду, бивуакируетъ, переходитъ ручьи и рѣки въ бродъ, даже вплавь, производитъ по пути боевыя ученья. Такимъ путемъ войско втягивалось въ походную службу, и переходъ къ военному времени переставалъ быть крутымъ и рѣзкимъ.

Неутомимая, полная жизни воинская дѣятельность мирнаго времени и во время военнаго затишья, становилась до послѣдней степени напряженною, лихорадочной въ періоды военныхъ дѣйствій. Тогда Суворовъ не щадилъ своихъ силъ, лишая себя сна и покоя по нѣсколько сутокъ непрерывно. Предъ штурмомъ Измаила солдаты видѣли его вездѣ: ночью вдали отъ крѣпости, тамъ, гдѣ сколачивали лѣстницы, гдѣ вязали фашины, при упражненіяхъ на брустверахъ въ примѣрныхъ штурмахъ высокихъ насыпей и глубокихъ рвовъ,—днемъ далеко впереди.

наблюдающимъ непріятельскія укрѣпленія на разстояніи какого-нибудь ружейнаго выстрѣла отъ крѣпостныхъ стѣнъ. Солдаты видѣли неутомимую дѣятельность своего начальника и высоко цѣнили ее. Послѣ штурма Праги, утомленный и больной Суворовъ легъ на солому отдохнуть въ разбитой для него простой солдатской палаткѣ; при ней находился караулъ по уставу; вблизи расположились разныя части войскъ. Но не было ни движенія, ни шума: солдаты соблюдали полную тишину и даже говорили вполголоса, чтобы не потревожить сна своего вождя. «Онъ не спитъ, когда мы спимъ», пояснили они: «и въ жизнь свою еще не проспалъ ни одного дѣла» [1]). Среди боевой дѣятельности Суворовъ даже не читалъ писемъ своей страстно любимой дочери, «ибо», какъ выражался въ письмѣ къ ней, «они бы мнѣ помѣшали ради моей нѣжности къ тебѣ».

Неутомимый, достойный генія, трудъ Суворова имѣлъ свою ясно опредѣленную цѣль и былъ проникнутъ любовью къ военному званію. Онъ былъ выраженіемъ *всецѣлой преданности дѣлу*, которая, съ дѣтскихъ лѣтъ опредѣливъ направленіе и со-

---

[1]) Петрушевскій. Т. II.

держаніе всей жизни Суворова, выработала изъ него, по выраженію одного изъ его современниковъ (боевого товарища), «подвижника» въ кругѣ избранной имъ спеціальности.

Слабый, хилый, тщедушный съ виду, малорослый, онъ природою совершенно не былъ приспособленъ къ военной службѣ, но, начавъ воспитывать себя соотвѣтственнымъ образомъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, закалилъ свой организмъ въ суровыхъ въ то время условіяхъ военной службы, которую проходилъ въ теченіе 9 лѣтъ въ низшемъ вошскомъ званіи [1]). Пріобрѣтенную привычку къ лишеніямъ въ ежедневной жизни постоянно поддерживалъ умѣренностью и чисто спартанской нетребовательностью, такъ что трудности продолжительныхъ походовъ со всѣми тяжелыми случайностями бивуачной обстановки, утомленіе длинныхъ и изнурительныхъ переходовъ, рѣзкость вредныхъ атмосферическихъ вліяній могъ переносить лучше другихъ даже въ преклонной старости, съ удивительною для своего возраста легкостью.

Во время [2]) страшно тяжелаго швейцарскаго по-

[1]) Фуксъ.
[2]) Петрушевскій. Т. III.

хода въ горахъ, когда обувь и снаряженіе обносились, вьюки отстали, провіантъ былъ истощенъ, а дорогу приходилось пробивать штыкомъ, семидесятилѣтній полководецъ бодро шелъ пѣшкомъ или ѣхалъ верхомъ въ обыкновенной своей легкой одеждѣ, то подъ проливнымъ дождемъ, то въ мятель и вьюгу. Въ другомъ случаѣ [1]), послѣ четырехмѣсячнаго лѣченья отъ кинбурнскихъ ранъ, еще не владѣя правой рукой настолько, чтобы держать поводья, онъ сдѣлалъ верхомъ 500 верстъ въ шесть дней и былъ въ отличномъ расположеніи духа. Подобнымъ образомъ, при движеніи отъ Бреста къ Прагѣ, пока у людей были съ собой только кителя и плащи, Суворовъ самъ мерзъ все время въ холщевомъ кителѣ и переодѣлся въ сукно только тогда, когда всѣ одѣли зимніе мундиры [2]). Однажды зимой, послѣ смотра варшавскому гарнизону на городской площади, онъ держалъ передъ войсками обычную рѣчь. Морозъ былъ сильный; всѣ ежились; многіе невольно обнаруживали признаки нетерпѣнія. Замѣтивъ это, Суворовъ намѣренно затянулъ свою рѣчь и употребилъ на нее чуть не два часа. Почти всѣ, отъ генерала

---

[1]) Петрушевскій. Т. I.
[2]) Гершельманъ.

до солдата, вернулись домой съ сильными симптомами простуды, но самъ Суворовъ, хотя былъ одѣтъ въ одну бѣлую канифасную куртку, чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и не скрывалъ удовольствія, что, не смотря на свои годы, послужилъ войскамъ образцомъ военной выносливости. Въ другой разъ [1]) въ ту же зиму ему представлялось большое число новопоступившихъ офицеровъ. Пріемъ и угощеніе происходили въ великолѣпныхъ покояхъ, при открытыхъ настежъ окнахъ, хотя былъ страшный морозъ. Послѣ Швейцарскаго похода, при самомъ выходѣ изъ горъ, его видѣли въ очень легкомъ костюмѣ, и послѣ того онъ постоянно бравировалъ опасностью: на одномъ изъ смотровъ въ холодное время, при рѣзкомъ вѣтрѣ былъ не только мало одѣтъ, но мундиръ и даже рубашка были на немъ разстегнуты [2]).

Привычка къ простотѣ и воздержанію стала неизмѣннымъ правиломъ въ образѣ жизни Суворова. Даже въ высшихъ чинахъ онъ не отступалъ отъ нея: не иначе спалъ, какъ на соломѣ или сѣнѣ [3]),

---

[1]) Петрушевскій. Т. II.
[2]) Петрушевскій. Т. III.
[3]) Фуксъ.

вставалъ съ зарей, довольствовался пищей самой неприхотливой, одѣвался очень легко даже въ зимнюю стужу, прикрываясь старымъ лѣтнимъ плащомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «родительскаго»; ненавидѣлъ всякую роскошь, избѣгалъ званыхъ обѣдовъ и пировъ; изгонялъ изъ своего обихода все, что могло нѣжить тѣло и разслаблять духъ. Придворную жизнь, общество женщинъ, городскія увеселенія считалъ вредными для воина. Настоящая сфера его была въ лагерѣ, на бивакѣ, въ походѣ.

По поводу пасквиля и сплетни, касавшихся крымскаго періода его жизни, Суворовъ посылая Потемкину этотъ пасквиль, нѣкоторыя мѣста послѣдняго объясняетъ и своими замѣчаніями прекрасно оттѣняетъ строгую простоту своей жизни: «Будто бы я хвасталъ, что тотъ я герой, что идетъ завоевать Персію».—Я только хвастаю, что близко 40 лѣтъ служу непорочно.—«Повѣщалъ хана (съ корыстной цѣлью) о контрибуціяхъ».—Просилъ у вашей свѣтлости денегъ, счелся съ моими доходами; нынѣ они мнѣ не надобны, ни дѣтямъ моимъ.—«Требовалъ у хана, стыдно сказать, красавицъ».—Кромѣ брачнаго я не разумѣю, чего ради посему столько много вступаюся за мою честь.—«Персидскихъ аргамаковъ».—

Я ѣзжу на подъемныхъ.—«Лучшихъ уборовъ».—Ящика для нихъ нѣтъ.—«Драгоцѣнностей».—У меня множество брилліантовъ изъ высочайшихъ въ свѣтѣ ручекъ.—«Индійскихъ тканей».—Я, право, не зналъ, есть ли тамъ онѣ [1]).

Какъ видно, Суворовъ [2]) не зналъ даже комфорта, смѣшивая его съ роскошью, и удобства жизни понималъ въ самыхъ неприхотливыхъ формахъ. Это весьма существенная его особенность; военные люди такого склада являются чрезвычайно рѣдко, и между генералами XVIII вѣка Суворовъ красуется въ этомъ отношеніи въ видѣ самородка. Онъ велъ солдатскую жизнь только потому, что считалъ ее для военнаго человѣка единственно подходящею; на этомъ же основаніи не зналъ шлафроковъ, перчатокъ, шубъ и пр. «По его мнѣнію, военный человѣкъ обязанъ быть по своимъ физическимъ качествамъ всегда молодъ, а потому долженъ смотрѣть на старость, какъ на болѣзнь, которой можно избѣжать предупредительнымъ средствомъ — суровою, строгою жизнью. Собственно поэтому онъ не любилъ въ старости зеркалъ, какъ назойливыхъ докладчиковъ о большомъ

[1]) Петрушевскій. Т. I.
[2]) Петрушевскій. Т. III.

числѣ прожитыхъ лѣтъ; по тому же самому онъ не ходилъ, а бѣгалъ, не ѣздилъ, а скакалъ, не обходилъ стоящій на пути стулъ, а перепрыгивалъ черезъ него, какъ бы удостовѣряя себя и другихъ, что обладаетъ легкостью и прыткостью молодого человѣка. Такой складъ мирной жизни Суворова дѣлалъ его человѣкомъ, для котораго труды, лишенія и всякія неудобства военнаго времени не представляли ничего новаго, неожиданнаго и непривычнаго. Онъ попадалъ тутъ въ знакомую среду, въ свою нормальную атмосферу и, какой бы высокій постъ въ арміи ни занималъ, сразу дѣлался въ ней первымъ солдатомъ по своимъ военнымъ качествамъ» [1]). Постоянно среди солдатъ, особенно въ трудныя времена, онъ дѣлилъ съ ними тяготу и опасности. Безъ всякаго надъ собою насилія, которое не скрылось бы отъ солдатскаго чутья, онъ велъ жизнь, одинаковую съ послѣднимъ рядовымъ, довольствовался одной съ нимъ пищей и равнодушно переносилъ всякія лишенія. Солдаты видѣли въ немъ не только своего брата—солдата, но притомъ солдата рѣдкаго, какихъ мало. Онъ всегда былъ веселъ, разговорчивъ

---

[1]) Петрушевскій. Т. III, стр. 297—298.

шутливъ. Сверхъ того, онъ облададъ тактомъ—при простомъ, даже фамильярномъ обращеніи съ солдатами, нисколько не поощрять ихъ къ взаимному съ нимъ панибратству. Самая грубая солдатская натура это понимала, всѣ повиновались ему безусловно, всякій чувствовалъ къ нему почтеніе и даже страхъ» [1]).

«Всѣ эти военныя достоинства Суворова дополнялись огромною массой качествъ чисто боевыхъ. По справедливому замѣчанію одного иностраннаго писателя, трудно указать на такое военное качество, котораго бы въ немъ не было, и мало кто можетъ быть въ этомъ отношеніи приравненъ къ Суворову. Имѣя передъ собою исторію всей его жизни, скажемъ больше. Не только изъ крупныхъ военныхъ дѣятелей вообще, но даже изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, едва ли найдется кто либо, который бы представлялъ собою такой цѣльный и полный типъ военнаго человѣка, какъ Суворовъ» [2]).

Поразительною особенностью военнаго дарованія Суворова служитъ его *увѣренность въ побѣдѣ.*

Суворовъ несъ на поле битвы несокрушимое

[1]) Петрушевскій. Т. I, стр. 238.
[2]) Петрушевскій. Т. III.

спокойствіе духа, опиравшееся *на твердую вѣру въ Бога*. «*Въ день битвы* или похода», говорилъ Суворовъ, *истинный герой* «взвѣшиваетъ предметы, уравниваетъ мѣры и *вполнѣ предается Божію Провидѣнію*». Этой увѣренности, этого спокойствія не могли ослабить случайности минуты, которыхъ не можетъ предусмотрѣть никакой человѣческій разумъ. Суворовъ больше всего стремился сохранить бодрое настроеніе въ подчиненныхъ. Эта крѣпость была въ его рукахъ: ключъ отъ нея былъ у него, въ его геніальной способности владѣть солдатской душой.

Случалось, въ рѣшительный моментъ битвы являлся Суворовъ, и радостный кликъ: «Суворовъ здѣсь» электрическимъ токомъ пробѣгалъ по линіи, тотъ кликъ, въ которомъ слышится смертельная угроза врагу,—и магической силой зажигалъ закаленныя въ бояхъ сердца Суворовскихъ солдатъ. Бодрость возвращалась къ усталому войску. Ослабѣвшіе люди обновлялись, и тайная, повелительная, неотразимая сила обожаемаго вождя, воспринятая безъ-завѣтно преданной массой, бурно устремляла впередъ грозный девятый валъ, передъ которымъ не могло устоять никакое сопротивленіе, который все смывалъ

передъ собой, неудержимо распространяясь дальше и дальше, охватывая врага съ фланговъ, съ тыла, пока не смыкался крѣпко желѣзный кругъ, внутри котораго непріятелю не было спасенія.

Примѣрами необыкновеннаго нравственнаго вліянія Суворова на войско изобилуетъ трехдневное сраженіе при Требіи противъ сильнаго числомъ непріятеля. На третій день знаменитой битвы, послѣ краткаго успѣха Багратіона, дивизія [1]) Швейковскаго стала сдавать назадъ. Французы напирали все настойчивѣе, смѣняя одну отбитую атаку другой. Происходило настоящее Суворовское отступленіе: русскія войска отстаивали каждую пядь земли, переходили въ наступленіе, бросались въ штыки, встрѣчали непріятеля огнемъ чуть не въ упоръ. Одинъ гренадерскій полкъ былъ охваченъ непріятелемъ со всѣхъ сторонъ; повернувъ заднюю шеренгу лицомъ къ нападающимъ, онъ отстрѣливался и съ фронта, и съ тыла одновременно. Французы не могли ничего съ нимъ сдѣлать: онъ не давался въ руки и спасъ себя самъ, благодаря своей неустрашимости и Суворовской закалкѣ. Бой пяти батальоновъ противъ пятнадцати, былъ, однако,

---

[1]) Петрушевскій. Т. III. стр. 121.

слишкомъ неравенъ, и истомленныя войска едва держались. Розенбергъ поскакалъ къ Суворову: изнеможенный отъ зноя, лежалъ онъ на землѣ, въ одной рубашкѣ, прислонившись къ огромному камню. Вслѣдъ за Розенбергомъ пріѣхалъ и другой неустрашимый сподвижникъ Суворова, князь Багратіонъ. Розенбергъ доложилъ, что его войска не въ состояніи больше держаться, и необходимо перейти въ полное отступленіе. «Попробуйте сдвинуть этотъ камень», сказалъ ему Суворовъ: «не можете? Ну такъ, въ той же мѣрѣ и отступленіе невозможно. Извольте держаться крѣпко, и ни шагу назадъ». Получивъ такое рѣшительное приказаніе, Розенбергъ поѣхалъ обратно къ своимъ, а Суворовъ послалъ австрійскому генералу Мелассу приказаніе – усилить настойчивость дѣйствія (вѣроятно, чтобы оттянуть силы французовъ), и потомъ обратился къ своему любимцу Багратіону съ привѣтствіемъ и вопросомъ —что и какъ. Багратіонъ объяснилъ, что поляки отбиты и отброшены, но у русскихъ убыль дошла до половины, что ружья плохо стрѣляютъ отъ накопленія пороховой грязи, что люди измучены до степени неспособности къ дальнѣйшему бою. «Не хорошо, князь Петръ» сказалъ Суворовъ и крикнулъ: «лошадь!» Ему по-

дали коня; онъ вскочилъ въ сѣдло и, какъ былъ, въ рубашкѣ, держа за рукавъ перекинутый черезъ плечо полотняный китель, поскакалъ къ войску. Подъѣхавъ къ отряду Розенберга, Суворовъ направился къ одному изъ отступающихъ батальоновъ и сталъ кричать: «заманивайте, ребята, заманивайте,... ипбче.... бѣгомъ», самъ же ѣхалъ впереди отступавшихъ. Сдѣлавши, такимъ образомъ, шаговъ двѣсти, онъ скомандовалъ: «стой» и поворотилъ батальонъ впередъ, противъ непріятеля, а артиллеріи приказалъ усилить огонь. Солдаты ободрились. Суворовъ поскакалъ дальше, къ войскамъ Багратіона. Едва войска увидѣли своего чародѣя-начальника, какъ разомъ оживились; пропала усталость, явилась энергія, ружья стали стрѣлять, огонь усилился. Съ барабаннымъ боемъ бросились они по указанію Суворова на помощь Швейковскому и Розенбергу и явились въ тылу французовъ. Неожиданное ихъ появленіе и стремительная атака сразу дали поворотъ дѣлу. Французы сочли эти войска за свѣжія, вновь прибывшія, и перешли въ поспѣшное отступленіе. Въ такой степени внушалъ Суворовъ боевой энтузіазмъ войску.

Суворову достаточно было появиться передъ вой-

скими, чтобы они забывали утомленіе и труды. Одного его взгляда и слова было достаточно, чтобы вызвать въ людяхъ полное напряженіе всѣхъ, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ силъ. Не было дѣла и подвига, котораго бы не могли исполнить его чудо-богатыри, слѣдовавшіе беззавѣтно всюду, куда онъ велъ ихъ, съ полной увѣренностью въ успѣхѣ. До того Суворовъ успѣлъ завладѣть ихъ сердцами и влить въ нихъ безграничное боевое довѣріе, любовь и преданность себѣ, какъ начальнику [1]).

По истинѣ, воины творили чудеса въ его присутствіи, потому что любили его всей душой [2]).

Въ Италіи, въ какомъ то сраженіи, при одной частной неудачѣ, рота, услышавъ сзади крикъ: «Суворовъ здѣсь», рванулась впередъ и легла чуть ли не поголовно подъ губительнымъ огнемъ непріятеля [3]). На Требіи Фуксъ былъ зрителемъ упорнаго боя, наблюдая его съ небольшого возвышенія вмѣстѣ съ бывалымъ Суворовскимъ генераломъ Дерфельденомъ; онъ замѣтилъ, что всюду, гдѣ войска отъ неудачи приходили въ разстройство, порядокъ

[1]) Гершельманъ.
[2]) Гершельманъ.
[3]) Петрушевскій.

возстановлялся сейчасъ же, лишь только Суворовъ, въ своей бѣлой рубашкѣ, появлялся тамъ. Дерфельденъ объяснилъ Фуксу, что насмотрѣлся на подобныя явленія въ теченіе 35 лѣтъ, какъ знаетъ Суворова: это—какой-то талисманъ, который довольно развозить по войскамъ и показывать, чтобы побѣда была обезпечена.

Въ оцѣнкѣ военной силы, представляемой личностью Суворова, показывали полную справедливость даже сторонніе судьи его побѣдъ, англичане: въ переговорахъ, имѣвшихъ цѣлью установленіе согласія съ Россіей для продолженія совмѣстной войны противъ Франціи послѣ Швейцарскаго похода Суворова, лондонскій кабинетъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ съ своей стороны передачу высшаго начальствованія надъ союзной арміей только Суворову и веденіе войны по плану, предварительно одобренному имъ же, Суворовымъ, считая его незамѣнимымъ.

Отъ Суворова-вождя передавался побѣдный токъ воинамъ. «Если не всякій изъ его подчиненныхъ понималъ это, то всякій чувствовалъ. Токъ этотъ шелъ отъ предводителя десятками путей; на кого не дѣйствовалъ одинъ изъ нихъ, на того вліялъ другой. Глазомѣръ, приводящій въ изумленіе своею вѣрностью;

быстрота рѣшенія и энергическое исполненіе, не смотря ни на какія препятствія; простота въ словахъ и дѣйствіи, пренебреженіе численнымъ перевѣсомъ непріятеля, такъ какъ бьютъ умѣньемъ, а не числомъ [1]); а главное, увѣренность въ самомъ себѣ и въ своемъ войскѣ, покоющаяся на твердой вѣрѣ въ Бога и надеждѣ на его помощь, «вотъ что передавалось отъ Суворова войскамъ и дѣлало ихъ побѣднымъ орудіемъ въ его рукахъ».

«Постоянныя побѣды, одерживаемыя Суворовымъ, сдѣлались въ свою очередь причиной, что солдатъ сталъ считать его какимъ-то высшимъ существомъ». Говорили, что зналъ онъ человѣческую душу насквозь: видѣлъ труса по лицу, ставилъ его впередъ, и трусъ дѣлался храбрецомъ. Богъ далъ ему змѣиную мудрость, вѣдалъ онъ «Божью планиду», умѣлъ разрушать и волшебство, и козни діавола, именемъ Божіимъ, крестомъ да молитвой. Зналъ онъ все на свѣтѣ, проницалъ замыслы враговъ, чуялъ въ безводныхъ мѣстахъ ключи; Божій посланецъ оберегалъ его въ бою [2]). Въ этой оболочкѣ народнаго вѣрованія скрыто зерно несомнѣнной истины, которую

[1]) Петрушевскій. Т. III, стр. 300.
[2]) Петрушевскій. Т. III, стр. 301.

сердцемъ чувствовалъ [1]) русскій солдатъ, смѣло шелъ за вѣщимъ Суворовымъ, слѣпо довѣряясь своему богобоязненному вождю,—чувствовалъ и не обманывался: щитъ христіанской вѣры въ Бога и броня надежды на Него—лучшая защита здѣсь на землѣ, благочестіе и молитва—необоримое оружіе противъ самаго сильнаго врага, крестъ—побѣдный символъ христіанина-воина!

Такова побѣдоносная сила свойствъ, составлявшихъ духовно-нравственную природу великаго Суворова. Здѣсь великій урокъ для всѣхъ, кому дорого военное величіе родины. *Путь къ побѣдѣ есть путь нравственнаго совершенствованія.*

Для военнаго пастыря важнѣе и дороже всего то, что заключеніе изъ жизни великаго полководца Суворова совпадаетъ съ библейскимъ взглядомъ на конечную причину военнаго успѣха. Побѣждаетъ Израиль, пока онъ свято служитъ своему Богу и вѣренъ завѣтамъ своей религіи; Израиль слабъ и безсиленъ предъ всякимъ вышнимъ врагомъ, когда отступилъ отъ Бога, и нравственная порча, какъ ядъ, отравила его общественный орга-

[1]) Боголюбовъ, стр. 15.

низмъ. Благочестіе спасало Израиля отъ руки сильнѣйшихъ царей великой Ассиріи и могущественнаго Египта, а нечестіе отдавало его во власть аммонитянъ, филистимлянъ и другихъ незначительныхъ народовъ Палестины. Благочестіе—сила войска и народа, нечестіе—ихъ погибель. Эта истина подтверждается всей исторіей Богоизбраннаго еврейскаго народа съ перваго момента его политической независимости по выходѣ изъ Египта до времени утраты ея подъ игомъ ассиро-вавилонянъ. Она громко провозглашена, какъ руководящій принципъ политической жизни евреевъ въ началѣ ихъ исторіи, когда при нападеніи амаликитянъ въ пустынѣ, *одолѣваше Израиль, егда воздвизаше Моисей руцѣ, егда же отпускаше руцѣ, одолѣваше Амаликъ* (Исх. 17, 11),—и не менѣе ясно выражена въ концѣ политической жизни еврейскаго народа, въ событіяхъ войны Маккавеевъ, свидѣтельствовавшихъ, что воины Іуды были непобѣдимы, пока не захватили запрещенной, оскверненной язычниками, добычи.

Побѣда—въ Богѣ, и снискивается она хожденіемъ предъ Богомъ въ правотѣ сердца. Это—старая святая истина. Суворовъ былъ Божій вѣстникъ этой правды для своего времени въ той сферѣ чело-

вѣческой дѣятельности, которую онъ себѣ избралъ— военной, и въ ту именно эпоху, когда военное искусство подвергалось коренному преобразованію— сначала въ системѣ Фридриха Великаго, блиставшей поклоненіемъ совершенству формъ механической дрессировки, потомъ во французской системѣ революціонеровъ и Наполеона I, ставившей человѣческія силы (разумъ) на мѣсто Бога.

Юбилей Суворова еще разъ мощно направляетъ нашу мысль на ту же непреложную истину и показываетъ ее міру въ настоящій знаменательный историческій моментъ всеобщаго исканія мира. Благородивѣйшія усилія Вѣнценоснаго военнаго Вождя, нашего Всероссійскаго Монарха—утвердить незыблемыя основы всеобщаго мира—встрѣчаютъ множество препятствій, которыя въ настоящее время сполна не могутъ быть устранены, и угроза войны виситъ въ воздухѣ надъ каждымъ царствомъ, какъ Дамокловъ мечъ, готовый упасть во всякую минуту на голову. Въ утѣшеніе намъ Суворовскій юбилей напоминаетъ, что не пресловутая готовность къ войнѣ есть средство ея избѣжать или надежно ее устранить, но въ процессѣ приготовленія къ войнѣ *нравственная сторона* должна быть выдвинута на пер-

вый планъ не только въ смыслѣ источника побѣды на войнѣ, но и въ качествѣ важнѣйшаго залога къ ограниченію и возможно полному устраненію войны въ дни мира. Обезпеченіе мира—въ нравственномъ совершенствованіи народа и въ вѣрномъ служеніи Богу мира Іисусу Христу; потому-то, по ученію Евангелія, время усиленія кровавыхъ войнъ совпадаетъ съ оскудѣніемъ вѣры на землѣ и есть одно изъ проявленій духа, враждебнаго Христу, антихристова (*возстанетъ бо языкъ на языкъ и царство на царство* и т. д., Мѳ. 24, 7—9).

Суворовъ поучаетъ не только своими высокими личными качествами воѣннаго человѣка. Онъ великъ и памятенъ, какъ *творецъ самостоятельной военной системы, въ которой началамъ морали и религіи отведено самое видное мѣсто*, придано существенное значеніе, усвоена первостепенная роль.

Чтобы побѣдить другихъ,—мы знаемъ—Суворовъ перевоспиталъ себя нравственно на началахъ религіи и силою своего духа обогатилъ себя свѣдѣніями науки, вооружилъ себя опытами прежнихъ вѣковъ и для цѣлей войны закалилъ свое тѣло, обративъ его въ послушное орудіе своей несокрушимой воли. Имѣя нравственную силу, способную

къ полному господству надъ всѣми сторонами собственнаго существа, одержавъ, такимъ образомъ, труднѣйшую изъ побѣдъ, побѣду надъ самимъ собой, онъ могъ одерживать верхъ надъ другими и для того приноровилъ методъ воспитанія, успѣшно испытанный на себѣ, къ выработкѣ побѣдоноснаго начала въ собирательномъ организмѣ арміи.

У Суворова учебная система войска менѣе всего сводилась къ внѣшнимъ формамъ механической дрессировки. Отдавая должное значеніе внѣшней дисциплинѣ, онъ не увлекался ею до забвенія внутренней дисциплины духа. Внѣшнее обученіе Суворовъ тѣсно связывалъ съ нравственнымъ воспитаніемъ. Внѣшняя сторона военнаго обученія, по понятію Суворова, получаетъ жизнь, силу, смыслъ отъ стороны внутренней. Между ними то же отношеніе, что между тѣломъ и душой, которая оживляетъ тѣло и дѣлаетъ его послушнымъ орудіемъ своихъ велѣній. Такимъ образомъ, военное воспитаніе входитъ, какъ самая жизненная, необходимѣйшая и существеннѣйшая часть, въ систему военнаго обученія. Послѣднее безъ перваго—форма, лишенная содержанія.

Отсюда, у Суворова, какъ истинно великаго

военнаго психолога, механическая часть обученія велась по указанію нравственнаго элемента и воспитательные пріемы были разсчитаны на нравственныя силы подчиненныхъ людей [1]).

Главная основа его системы —человѣкъ и его духовная сила. *Основное условіе военнаго успѣха* онъ полагалъ *въ области нравственныхъ качествъ*, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ ставилъ смѣлость. Неуклонно имѣлось въ виду развитіе въ людяхъ отваги и твердости, воспитаніе солдатскаго сердца въ самоотверженіи. «Испуганъ—на половину побѣжденъ», гласилъ Суворовскій принципъ.

Смѣлость Суворовъ предписывалъ своимъ отрядамъ во всякомъ случаѣ. Рѣшительный образъ дѣйствій поднимаетъ духъ въ войскѣ и на противника наводитъ опасеніе, вселяя въ него излишнюю осторожность и робкую осмотрительность. Если нельзя было разсчитывать на успѣхъ нападенія, то необходимо было, по крайней мѣрѣ, доказать непріятелю несомнѣнную, осязательную готовность къ энергическому дѣйствію, убѣдить его въ своей смѣлости.

Самый короткій и вѣрный путь къ пріученію

---

[1]) Петрушевскій.

человѣка смѣло смотрѣть въ глаза опасности состоитъ въ томъ, чтобы не выжидать ея, а идти ей навстрѣчу. Поэтому, пріучая свои отряды не бояться за фланги и тылъ, Суворовъ внѣдрялъ въ нихъ убѣжденіе, что самое надежное средство одерживать побѣду заключается въ томъ, чтобы искать ея въ срединѣ непріятельскихъ батальоновъ. Проводя этотъ принципъ, онъ держался исключительно наступательныхъ экзерцицій, пріучалъ войско къ смѣлой, нападательной тактикѣ и давалъ атакѣ холоднымъ оружіемъ преобладающее значеніе предъ прочими частями строевого устава. «Смерть бѣжитъ отъ сабли и штыка храбраго», говорилъ онъ: счастье вѣнчаетъ смѣлость и отвагу». «Кто выжидаетъ нападенія, тотъ уже почти побѣжденъ».

Развитіе въ подчиненныхъ смѣлости онъ обставлялъ всѣми способами и ревниво оберегалъ войско отъ соприкосновенія съ понятіями противоположнаго характера, запрещая даже употребленіе на оффиціальномъ языкѣ нѣкоторыхъ словъ, напр., сикурсъ, какъ «слово ненадежной слабости», или опасность— «слово робкое»,—оборона, ибо «одно званіе обороны доказываетъ слабость, слѣдственно и наводитъ робость». «Сикурсъ, опасность и прочія вообразитель-

ныя въ мѣшіяхъ слова служатъ бабамъ, кои боятся съ печи слѣзть, чтобы ноги не переломить, а лѣнивымъ, роскошнымъ и тупозрячимъ—для подлой обороны, которая по концѣ—худая ли, добрая ли—разсказчиками такожъ храброй называется». По той же причинѣ во время обученія и движенія, выдвинутые впередъ люди не осаживались ни въ какомъ случаѣ, но по нимъ должны были равняться другіе, хотя бы цѣлый батальонъ. [1])

Богатырь духа, Суворовъ, хотѣлъ воспитывать «чудобогатырей». Русская армія, вслѣдствіе своихъ высокихъ нравственныхъ качествъ имѣла огромное преимущество въ штыковомъ бою и всегда чувствовала склонность дѣйствовать штыкомъ. Эту склонность Суворовъ рѣшилъ систематически образовать и повелъ обученіе и воспитаніе своего войска въ этомъ направленіи. Почти вся учебная программа, прямо или косвенно, сводилась къ наступленію и удару.

Марши, контръ-марши, обходныя движенія, развертываніе фронта, свертываніе колонны, выстраиваніе каре, всѣ эти эволюціи имѣли смыслъ предварительныхъ фазисовъ обученія, ведущихъ къ одной конечной цѣли—атакѣ. Сходство учебныхъ

[1]) Петрушевскій.

атакъ Суворова съ боемъ было поразительное [1]). «Бурная стремительность движеній: видъ несущихся другъ противъ друга массъ съ поднятыми саблями и опущенными въ полчеловѣка штыками, ружейные и пушечные выстрѣлы, застилающій всю картину пороховой дымъ; безостановочный переходъ атаки въ свалку, при крикахъ офицеровъ: «коли, руби» и раскатывающемся по рядамъ атакующихъ «ура»;— все это близко знакомило войска съ видомъ, требованіями и ощущеніями боя.

Въ программу Суворовской „науки побѣждать“ входило также штурмованіе укрѣпленій. „Для этого возводились земляные окопы по всѣмъ правиламъ, съ глубокими рвами, усиленные разными вспомогательными преградами въ видѣ палисадовъ, рогатокъ, засѣкъ, нѣсколькихъ рядовъ волчьихъ ямъ и т. п. Укрѣпленіе вооружалось артиллеріей и оборонялось пѣхотой. Атаки укрѣпленныхъ мѣстъ открытою силой вообще дѣло трудное и кровопролитное, къ которому прибѣгаютъ рѣдко: но трудность была для Суворова лишней причиной для включенія въ программу мирнаго обученія войскъ. Учить тому, что

---

[1]) Петрушевскій. Т. II, стр. 280.

считается исключеніемъ изъ правила, и на что отваживаются въ рѣдкихъ случаяхъ, значило пріобрѣтать то, чего противники не имѣютъ [1]). Знаменитые штурмы Измаила и Праги блестяще подтвердили справедливость его взгляда.

По той же причинѣ, съ самаго начала своей боевой карьеры, онъ не пренебрегалъ ночными военными дѣйствіями, какъ оружіемъ, въ обращеніи съ которымъ другіе не искусны: въ ночномъ бою бываетъ столько случайностей, неожиданностей и даже такъ возможны катастрофы, что требуются отъ войскъ особенныя выдержанность и самообладаніе. Онъ повторялъ свои дневныя упражненія, не исключая и штурмовъ, въ самыя темныя ночи, такъ какъ и дѣйствительные штурмы производилъ по ночамъ передъ разсвѣтомъ: кромѣ того, ночные маневры, подобно дневнымъ, всегда заканчивалъ атакой холоднымъ оружіемъ.

Всѣ пріемы военнаго ученья были направлены къ тому, чтобы укрѣпить въ войскѣ быструю рѣшимость. «Быть рѣшительнымъ во-время и въ пору, безъ колебанія и потери времени, очень трудно, а принимать быстро рѣшеніе, соотвѣтствующее дан-

[1]) Петрушевскій. Т. II, стр. 281—282.

ному случаю. и того труднѣе, для многихъ же и вовсе не достижимо по свойствамъ натуры. Между тѣмъ рѣшаться скоро, хоть бы выбирая и не лучшее изъ средствъ,—есть дѣло совершенной необходимости въ живомъ военномъ искусствѣ . Быстрота рѣшеній, какъ и дѣйствій, безусловно необходима.

Но чтобы рѣшительность въ выборѣ мѣръ и затѣмъ въ самомъ дѣйствіи, какъ можно болѣе, соотвѣтствовала обстоятельствамъ, требуется подкрѣпить ее находчивостью, сообразительностью, короче говоря—сметкой. Обладая самъ необыкновенной военной сметкой, т. е. глазомѣромъ, и сознавая, что въ своемъ поприщѣ онъ много былъ обязанъ именно этому качеству. Суворовъ ставитъ его чрезвычайно высоко въ ряду другихъ, необходимыхъ для военнаго человѣка. Онъ внушаетъ своимъ подчиненнымъ, что, хотя военное искусство состоитъ въ умѣньи одолѣвать непріятеля, но что есть много враговъ, въ ряду которыхъ непріятель занимаетъ далеко не первое мѣсто, что страшнѣе непріятеля «богадѣльня» (госпиталь), а опаснѣе богадѣльни—«проклятая немогузнайка, намека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вѣжливка». Вся эта вереница словъ изображаетъ цѣпь понятій, отрицающихъ

точность, опредѣлительность, положительное знаніе и обозначающихъ уклончивость, неподвижность ума, лѣность мысли, страхъ отвѣтственности и т. п. [1]).

Будучи полнымъ, обученіе должно быть наглядно и просто, не оставляя мѣста сомнѣніямъ или недоумѣніямъ въ умѣ, колебаніямъ въ волѣ. Оно усвоивалось сознательно, такъ, что «каждый солдатъ понималъ свой маневръ» [2]), чтобы войска предводителя своего разумѣли» [3]). Несложное внѣшнее военное образованіе, усвоенное солдатомъ въ совершенствѣ, прививалось къ нему органически. «Каждый шелъ черезъ мои руки», писалъ Суворовъ, и сказано ему было, что болѣе ему знать ничего не осталось, только бы выученное не забылъ. Такъ былъ онъ на себя и надеженъ—основаніе храбрости [4]). Такъ всѣ механическіе пріемы боевого обученія были проникнуты нравственными требованіями, и дѣйствовали воспитательно на душу солдата.

Въ военной системѣ Суворова, гдѣ муштровка и дрессировка не замѣняли воспитанія и въ солдатѣ

[1]) Петрушевскій. Т. II, стр. 273 274.
[2]) Петрушевскій.
[3]) Гертельманъ.
[4]) Петрушевскій. Т. I.

не исчезалъ человѣкъ, напротивъ—его личность выдвигалась на первый планъ,—въ такой системѣ должно было занять выдающееся мѣсто все то, что наилучше будитъ нравственное сознаніе, возвышаетъ его, помогаетъ его росту и содѣйствуетъ его развитію, т. е. возможное разъясненіе правильныхъ понятій о высокомъ достоинствѣ человѣка, добрыхъ и дурныхъ его поступкахъ, о любви къ отечеству, Царю и Церкви, о славѣ русскаго оружія и, больше всего, о твердой вѣрѣ въ Бога—Всемогущаго и Правосуднаго. Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Вѣкъ, въ который жилъ Суворовъ, былъ временемъ суровыхъ нравовъ; составъ арміи — изъ крѣпостныхъ, притомъ худшихъ по выбору, и ея нѣкоторая нравственная распущенность, выражавшаяся въ склонности къ грабежамъ, въ дезертирствѣ и пр.. требовали строгой дисциплины. „Въ случаѣ оплошности“,—говорилъ онъ,—„взыскивать и безъ наказанія не оставлять, понеже ничто такъ людей къ злу не приводитъ, какъ слабая команда, почему командующему за прегрѣшенія неослабно наказывать“. Но Суворовъ не былъ поклонникомъ палки, плетей, розогъ, шпицрутеновъ. Обязанность наказывать онъ признавалъ тяжелою и считалъ излишней, когда про-

ступки могутъ быть устраняемы иначе. Онъ видѣлъ, что солдаты нуждаются въ живомъ и сильномъ воздѣйствіи добрыхъ началъ и предпочиталъ нравственный методъ для уменьшенія „прегрѣшеній“ и слѣдующихъ за нихъ взысканій, развивая въ нижнихъ чинахъ нравственное чувство, „дабы они познавали грѣхъ и наказаніе, коимъ 99 противъ сотаго нравятся нынѣ“ [1]).

Для успѣшнаго проведенія въ практику такой военной системы, гдѣ отъ солдата требовалась не одна механическая точность внѣшней выучки, необходимо было внушать благородныя побужденія, дѣйствуя на *чувство чести и патріотизма*.

Суворовъ въ высокой степени цѣнилъ въ солдатѣ чувство нравственнаго достоинства. „Безъ честолюбія (чувства чести), послушанія и благонравія нѣтъ исправнаго солдата“,—писалъ онъ. Въ другомъ случаѣ, вспоминая свое командованіе полкомъ, онъ выражается такъ: „капралъ былъ почтенъ въ карпоральствѣ, какъ капитанъ въ ротѣ, имѣлъ своего сфрейтора и экзерцирмейстера; предводимъ былъ съ возможнѣйшимъ наблюденіемъ старшинства, по досто-

---

[1]) Петрушевскій. Т. I.

ниству, безъ рекомендаціи; сержанты вѣдали капральства, но не для хозяйства". Суворовъ умѣлъ подѣйствовать на каждаго солдата и не терялъ къ тому случая. Всю ночь передъ штурмомъ Измаила онъ ходилъ отъ одного костра къ другому для личныхъ разговоровъ съ людьми. „Какой полкъ?"—спрашивалъ онъ и, получивъ отвѣтъ, хвалилъ каждую часть, особенно, припоминая минувшіе дни, когда вмѣстѣ съ ними сражался въ Польшѣ, Турціи, подъ Кинбурномъ и въ Крыму. „Славные люди, храбрые солдаты",—восклицалъ онъ: „тогда они дѣлали чудеса, а сегодня превзойдутъ самихъ себя". И всѣхъ воспламеняли эти слова, и всѣ жаждали показать себя достойными этой похвалы [1]).

Взывая къ чувству національной гордости, онъ начинаетъ и оканчиваетъ свои приказы словами: „помилуй Богъ, мы русскіе!"; предъ битвой, проѣзжая по фронту войскъ, онъ восклицаетъ: „слава Богу! я русскій и вы русскіе". Слово „русскій" было постояннымъ любимымъ привѣтствіемъ въ обращеніяхъ Суворова къ войску — въ обыкновенномъ смотру и передъ сраженіемъ. Во время смотра, про-

---

[1]) Гершельманъ.

изведеннаго у Пьячецы второму вспомогательному корпусу русскихъ войскъ въ Италіи, подъѣхалъ онъ къ серединѣ корпуса, остановился, взглянулъ своимъ орлинымъ взоромъ, громко сказалъ: „здравствуйте, чудо богатыри! *Русскіе, братцы*! старые товарищи, здравствуйте! Непріятель отъ васъ дрожитъ; *вы — русскіе*!“ И крикъ десяти тысячъ ратниковъ“: „веди насъ, отецъ нашъ, готовы!“—радостно огласилъ окрестности Пьяченцы“ [1]).—Предъ движеніемъ въ Альпы Суворовъ, указывая на горы, говорилъ солдатамъ; „вотъ, тамъ враги наши; *ихъ мы будемъ бить по русски*. Горы велики, есть пропасти, есть водотоки, а мы ихъ перейдемъ — перелетимъ. *Мы русскіе*! Богъ нами водитъ!“—Предъ штурмомъ Измаила Суворовъ отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ: „Храбрые воины! приведите себѣ въ сей день на память всѣ наши побѣды и докажите, что *ничто не можетъ противиться силѣ оружія россійскаго*. Намъ предлежитъ непремѣнное взятіе мѣста знаменитаго, которое рѣшитъ судьбу кампаніи, и которое почитаютъ гордые турки неприступнымъ. Два раза осаждала Измаилъ русская армія и два

---

[1]) Гершельманъ.

раза отступала. Намъ остается въ третій разъ или побѣдить, или умереть со славою!“

Возбуждая любовь къ родинѣ и *преданность Царю*, онъ говоритъ солдатамъ въ тѣхъ же приказахъ: „умирай за Церковь и Царя!“; „Царю служимъ: онъ на насъ и надѣется, и насъ любитъ, и насъ наградитъ“; „умирай за домъ Богородицы!... За Матушку (царицу!), за пресвѣтлѣйшій домъ!“— „Видите ли вы эту крѣпость?“—говорилъ Суворовъ солдатамъ [1]), указывая на неприступный Измаилъ. „Стѣны ея высоки, рвы глубоки, а все-таки намъ нужно взять ее. *Матушка царица приказала*, и мы должны ея слушаться“. „Съ тобою навѣрное возьмемъ“,—съ радостнымъ крикомъ отвѣчали солдаты. Суворовъ не скрываетъ отъ нихъ трудности подвига и противопоставляетъ ему лишь несокрушимую силу долга службы *въ исполненіи желанія Верховнаго вождя арміи.*

Нравственное развитіе человѣка, главнымъ образомъ, зиждется на религіи. Въ военномъ дѣлѣ, гдѣ не только отъ руководителя, но и отъ рядового исполнителя, требуется твердая рѣшимость смотрѣть

---

[1]) Гершельманъ.

прямо въ глаза смерти и полная готовность къ самопожертвованію, особенно сильно сказывается потребность въ небесной помощи, которая бы укрѣпляла его благородный порывъ въ тяжкую минуту испытанія, воодушевляла на подвигъ мученичества.

Съ этою благодатною силою, иго, подъятое во имя Христа, утрачиваетъ характеръ тяготы и становится бременемъ легкимъ и удобоносимымъ. Строгая дисциплина военнаго строя не чувствуется, какъ сковывающая сила внѣшняго порядка, но получаетъ высшій смыслъ, оставляя мѣсто полному человѣколюбію. При религіозно-нравственномъ взглядѣ на военную службу, каждая мелочь военнаго порядка теряетъ характеръ педовѣрчивой, привязчивой, излишней требовательности и получаетъ разумное, высшее освѣщеніе. Такъ, Суворовъ предписывалъ безусловную тишину въ строю, требуя, чтобы «никто изъ нижнихъ чиновъ (и офицеровъ) не дерзалъ что среди дѣйствій хотя и тихимъ голосомъ сказать». Такое требованіе могло показаться фронтовымъ увлеченіемъ, но на дѣлѣ оно вытекало изъ соображеній высшаго свойства. „Солдатъ во фронтѣ, какъ на священнодѣйствіи; онъ слышитъ команду, знаетъ, что ему дѣлать, и долженъ исполнять. Передъ нимъ

совершается кровавая жертва любви къ отечеству, онъ самъ для нея предназначенъ, и долженъ весь принадлежать своему долгу; нѣтъ ни недоразумѣній, ни колебаній, ни сомнѣній; нѣтъ и мысли, которою бы можно былъ подѣлиться съ товарищемъ; мысль у всѣхъ одна—побѣдить или умереть. Конечно, фронтъ на учебномъ полѣ и фронтъ подъ пулями и ядрами—не одно и то же; но у Суворова мирное упражненіе было, насколько то возможно, близкой копіей боевого дѣла“ [1]).

Суворовъ совершенно понималъ значеніе религіи въ дѣлѣ успѣшнаго воспитанія солдата. Требованія военной службы возводилъ на высоту велѣній долга священнаго, заповѣданнаго религіей, предписываемаго вѣрой.

Не признавая другой нравственности, кромѣ нравственности религіозной, Суворовъ искалъ основу для своего военнаго кодекса нравственныхъ правилъ въ ученіи Православной Церкви. Сверхъ того, его выборъ опредѣлялся взглядомъ, по которому православная вѣра—не только надежнѣйшая опора, но и самая главная національная основа воспитанія русскаго

---

[1]) Петрушевскій. Т. I. Стр. 69.

солдата. „Мы — русскіе, Богу молимся“, любилъ говорить Суворовъ. На Православную Церковь, какъ на самый вѣрный источникъ духовной силы для русскаго воина, ясно указывала Суворову собственная его наблюдательность и многовѣковой опытъ русской исторіи. „Живя много лѣтъ въ рядахъ простыхъ русскихъ воиновъ и раздѣляя съ ними всѣ труды и тягости мирной и боевой жизни, Суворовъ не могъ не замѣтить, чѣмъ живетъ русскій народъ, что имъ движетъ, чѣмъ вдохновляется и что поддерживаетъ его въ переносимыхъ имъ тягостяхъ и несчастіяхъ. Съ другой стороны, какъ человѣкъ высокообразованный, Суворовъ зналъ, какимъ могучимъ двигателемъ, какою вдохновляющею силою во всѣ важнѣйшія эпохи нашей исторической жизни была святая наша вѣра православная: и въ погромѣ татарскомъ, и въ сверженіи татарскаго ига, и въ нашествіи поляковъ во время междуцарствія [1]) и т. д.“. Такимъ образомъ, обращеніе къ Православной Церкви въ дѣлѣ воспитанія солдата закрѣпляло въ корнѣ за всей военной системой Суворова ея истинно національный характеръ.

Великій полководецъ усердно и съ любовію на-

[1]) Боголюбовъ, стр. 2—3.

правлялъ мысль войска къ Богу — такъ же въ мирное время, какъ и въ обстановкѣ боевой.

Солдатъ долженъ имѣть достаточное знаніе своей вѣры и въ этомъ знаніи почерпать нравственное руководство для жизни. „Нѣмецкій, французскій мужикъ“, пишетъ Суворовъ въ 1771 г. о своемъ времени, „знаетъ церковь, знаетъ вѣру, молитвы; у русскаго, едва знаетъ ли то его деревенскій попъ; то сихъ мужиковъ въ солдатскомъ платьѣ учили у меня пѣкимъ молитвамъ. Тако догадывались и познавали они, что во всѣхъ дѣлахъ Богъ съ ними, и устремлялись къ честности“ [2]). Потому-то въ свое командованіе въ Ладогѣ Суздальскимъ полкомъ, когда впервые Суворовъ проявилъ широкую военно-воспитательную дѣятельность, онъ строитъ *церковь* и рядомъ съ ней *школу*, лично руководя занятіями въ послѣдней. Подобно тому, какъ при обученіи пріемамъ сохраненія здоровья, Суворовъ самъ училъ солдатъ умываться, чиститься, обшиваться, или входилъ во всѣ мелочи строевого ученья, показывая даже способъ чистки ружья, такъ въ полковой школѣ самъ преподавалъ начальныя правила ариѳметики и

---

[1]) Петрушевскій.

написалъ учебникъ по этому предмету; быть можетъ, онъ же училъ и закону Божію, тѣмъ болѣе, что, по несомнѣнному свидѣтельству, составилъ молитвенникъ и коротенькій катихизисъ.

Другимъ, еще болѣе важнымъ училищемъ благочестія была въ его глазахъ Церковь, съ глубоко дѣйствующею на душу поучительностью благолѣпнаго богослуженія. Въ военное время наканунѣ праздника за всенощной, въ праздникъ у обѣдни, онъ, по возможности со всѣмъ своимъ штабомъ, присутствовалъ въ походной церкви какого-нибудь полка, становился у праваго клироса и пѣлъ вмѣстѣ съ пѣвчими по нотамъ, которые иногда держалъ предъ нимъ регентъ-офицеръ; читалъ также апостолъ.

Его привычка бывать въ праздникъ въ церкви и выстаивать службу до конца, поразительно удостовѣряется слѣдующимъ разсказомъ изъ второй турецкой войны. 1 октября, въ праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы, послѣ усиленнаго бомбардированія, произведеннаго наканунѣ, съ зарею снова началось обстрѣливаніе турками крѣпости, Кинбурна еще сильнѣе прежняго. По приказанію Суворова, русскіе не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ. Около 9 часовъ непріятель подошелъ къ косѣ съ двухъ сторонъ: на

западъ отъ Кинбурна, на самой оконечности косы, стали высаживаться съ кораблей турки; восточнѣе Кинбурна, верстахъ въ двѣнадцати, пытались высадиться запорожцы, бѣжавшіе въ Турцію. Запорожцы были прогнаны. Высадка же турокъ на оконечность косы производилась безпрепятственно подъ руководствомъ французскихъ офицеровъ; кромѣ того, для прикрытія судовъ, турки вбивали въ морское дно, невдалекѣ отъ мыса, рядъ толстыхъ свай. Суворовъ находился въ это время у обѣдни, по случаю праздничнаго дня, вмѣстѣ съ многими офицерами; онъ отдалъ приказаніе—отнюдь не стрѣлять ни изъ пушекъ, ни изъ ружей, и вообще ни чѣмъ не препятствовать высадкѣ турокъ. „Пусть всѣ выдѣзутъ“, пояснялъ Суворовъ и только распорядился сближеніемъ резервовъ, стоявшихъ къ востоку отъ Кинбурна въ разныхъ разстояніяхъ. По окончаніи обѣдни Суворовъ вышелъ изъ церкви, поѣхалъ къ войскамъ, выстроилъ ихъ и приступилъ къ аттакѣ, окончившейся рѣшительнымъ пораженіемъ и совершенной гибелью турокъ [1]). Такое поведеніе Суворова производило сильное впечатлѣніе на умы, и простые люди

[1]) Петрушевскій. Т. I., стр. 307.

объяснялъ военные успѣхи любимаго героя тѣмъ, что онъ „не начиналъ сраженія прежде, чѣмъ отойдетъ обѣдня, которую на небѣ служатъ Господу ангелы“ [1]).

Достойна вниманія забота Суворова о сохраненіи отъ разрушенія и разоренія храмовъ Божіихъ во время военныхъ дѣйствій. Въ диспозиціи при наступленіи на Туртукай онъ предписываетъ „весьма щадить женъ, дѣтей и обывателей, мечети и духовныхъ, чтобы непріятель щадилъ христіанскіе храмы“ [2]).

Усердный чтитель храма Божьяго, Суворовъ и внѣ церкви часто бывалъ на общей молитвѣ — при вечерней зарѣ и, благоговѣйно обнаживъ голову, самъ читалъ „Отче нашъ“ [3]).

Онъ любилъ обращаться къ войску съ рѣчами, иногда короткими, иногда длинными, произнося ихъ послѣ каждаго развода, ученья или смотра, передъ битвой и послѣ сраженія—при объѣздѣ лагеря, при погребеніи убитыхъ и въ другихъ случаяхъ. Давая въ нихъ оцѣнку настоящему, переходилъ къ давно прошедшимъ временамъ; припоминалъ ошибки, сдѣ-

---

[1]) Петрушевскій. Т. III.
[2]) Петрушевскій. Т. I., стр. 151.
[3]) Петрушевскій. Т. II.

лавшія тѣмъ или другимъ полкомъ въ какомъ нибудь дѣлѣ подъ его, Суворова, начальствомъ; выставлялъ также подвиги или примѣры поучительные, достойные подраженія, хвалилъ за доблесть, излагалъ отличительныя свойства хорошаго служиваго [1]). Въ этихъ рѣчахъ, которыя солдаты выслушивали изъ устъ своего начальника съ благоговѣніемъ, онъ часто упоминалъ [2]) имя Божіе, стараясь вкоренить во всѣхъ убѣжденіе, что на войнѣ безъ Бога нельзя шагу ступить.

Передъ битвой, благословивъ всѣхъ, онъ въ краткой, но сильной рѣчи, напоминалъ обязанности къ Богу, Государю и Отечеству. „Помилуй Богъ! Мы, русскіе — Богу молимся; Онъ намъ и помощникъ. Царю служимъ; онъ на насъ и надѣется... Кого изъ насъ убьютъ—царство небесное! Церковь Бога молитъ. Останемся живы — намъ честь, намъ слава, слава, слава!“ [3]). „Вали на мѣстѣ! гони, коли! остальнымъ давай пощаду. Грѣхъ напрасно убивать! они тоже люди!“ „Умирай за домъ Богородицы! за Матушку! за пресвѣтлѣйшій домъ! Церковь Бога молитъ! Кто

---

[1]) Петрушевскій. Т. II.
[2]) Гершельманъ.
[3]) Фуксъ.

остался живъ, тому честь и слава!“ Глубокое сознаніе, что нельзя предвидѣть человѣческимъ умомъ всѣхъ случайностей на войнѣ, и искренняя вѣра въ покровительство Промысла Божія, заставляли Суворова говорить войску предъ самымъ сраженіемъ: «*Молись Богу! Отъ Него побѣда*, чудо—богатыри! Богъ насъ водитъ! Онъ намъ генералъ!» [1]) — „Молитва, благонравіе, вѣрность Монарху!“ не разъ повторялъ Суворовъ въ заключеніе своихъ рѣчей.

Суворову подражали и младшіе начальники: приготовивъ людей къ предстоящему бою, они вмѣстѣ молились о ниспосланіи побѣды (Прага, Нови, Муттенъ). Вотъ, какъ завершалъ приготовленіе своихъ людей къ бою любимецъ Суворова, полковникъ Ѳ. В. Харламовъ: „Собравъ вокругъ себя свой охотничій баталіонъ, онъ разсказалъ въ примѣръ о давно прошедшихъ сраженіяхъ русскихъ съ турками, черкесами, съ татарами и поляками, и въ заключеніе своей рѣчи воскликнулъ: „слышите, ребята! слышите! съ нами Богъ и кто переможетъ насъ? Помолимся же Ему усердно, попросимъ у Его милосердія объ отпущеніи содѣянныхъ нами грѣховъ, и кому Богъ по-

[1]) Гершельманъ.

дастъ быть живу послѣ дѣла, тотъ помянетъ убитыхъ; слышите, дѣти?“ Послѣ этого онъ упалъ на колѣни и всѣ ратники тоже сдѣлали, и молились Присносущему, прося Его благословить наше дѣло“ [1]). Другой соратникъ Суворова такъ разсказываетъ объ одномъ изъ сраженій: „Часу въ первомъ или во второмъ пополудни мы увидали у французовъ движеніе. Стрѣлки ихъ шибко неслись къ намъ, а за ними слѣдовали густыя колонны. Мы встали во фронтъ колонною, и Ив. Ив. Сабанѣевъ, подошедши къ намъ, началъ говорить: „время настало, братцы, поработать по русски, по Суворовски; помолимся же Господу Богу Милосердному о побѣдѣ надъ врагомъ и благословясь встрѣтимъ врага молодецки. На колѣна!“ И мы всѣ упали на колѣна, и молились Господу Богу. Когда мы окончили молитву, непріятель былъ отъ насъ выстрѣла на два. „Съ Богомъ, ребята! Четыре взвода впередъ! Ступай, ступай!“ [2]).

Молитвенный зовъ старшихъ находилъ себѣ полный откликъ въ вѣрующихъ сердцахъ солдатъ. Въ польскую компанію 1794 г. въ ночь предъ страшнымъ штурмомъ Праги солдаты одѣли чистое бѣлье

---

[1]) Гершельманъ.

[2]) Воголюбовъ, Гершельманъ.

и, поставивъ у костровъ ротные и полковые образа, молились объ укрѣпленіи силъ на предстоящее дѣло и о дарованіи побѣды надъ врагомъ, который, вѣроломно—въ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова, устроивъ въ Варшавѣ звѣрскую рѣзню русскихъ людей, вооруженныхъ и безоружныхъ безразлично [1]), рѣшилъ защищаться въ Прагѣ съ упорствомъ отчаянія.

Преданность религіи и благоговѣйное выполненіе ея уставовъ имѣли самое благотворное вліяніе на воиновъ; они сражались „подъ щитомъ Божества“ [2]). Укрѣпляемое горячей вѣрой въ Бога, войско готово было на всякій подвигъ въ борьбѣ съ непріятелемъ. Въ неравномъ бою противъ турокъ при Фокшанахъ пѣхота бросалась въ штыки съ крикомъ: „Съ нами Богъ“ [3]).

Связь между Церковью и войсками была настолько сильна, что полковые священники нерѣдко становились впереди штурмующихъ колонпъ съ крестомъ въ рукѣ и выводили ихъ изъ труднаго положенія. При кровопролитномъ штурмѣ Измаила [4]). одинъ изъ баталіоновъ Полоцкаго полка, двинувшись въ штыки на непріятеля, потерялъ своего командира: солдаты

[1]) Петрушевскій.
[2]) Фуксъ, Боголюбовъ.
[3]) Гершельманъ.
[4]) Гершельманъ.

колебались; это увидѣлъ полковой священникъ, воспламенился мужествомъ, высоко поднялъ крестъ съ изображеніемъ Искупителя, обѣщалъ вѣрную побѣду и, указывая путь къ ней, бросился на сабли турокъ; воодушевленные такимъ мужествомъ, солдаты съ новой силой продолжали наступленіе.

Въ войнахъ съ турками религія играла особенную роль, потому что противниками были невѣрные, всегда объявлявшіе войну съ христіанами священною. Тутъ, очевидно, каждый ратникъ, совершившій свой долгъ или павшій на полѣ брани, исполнялъ службу не только передъ царемъ и отечествомъ, но и прямо передъ вѣрою христіанскою [1]).

Возлагая надежду на Бога передъ битвой и во время ея, естественно, было, по достиженіи побѣды, къ Нему же обращаться съ молитвой хвалы и благодаренія. Въ память побѣды подъ Кинбурномъ Суворовъ соорудилъ церковь Покрова Пресвятой Богородицы, выражая тѣмъ вѣрованіе, что побѣда дана помощью Царицы Небесной [2]). Очень утомленный по окончаніи боя подъ Крупчицами, онъ поднялся на холмъ, сошелъ съ лошади, снялъ каску, перекрестился

---

[1]) Гершельманъ.

[2]) Гершельманъ.

и произнесъ: «*Слава въ вышнихъ Богу!*» Потомъ отправился въ лагерь и каждому полку говорилъ рѣчь краткую, огненную, которая пронизывала душу воина и дѣлала всякаго богатыремъ. Офицеры и солдаты окружали его сплошною толпою: это онъ очень любилъ. Въ заключеніе же сказалъ: „экзерциція! субординація! ученье—свѣтъ, а неученье—тьма! Дѣло мастера боится! Вы—богатыри, вы—витязи, вы—русскіе! Какую топь перелетѣли, какія крѣпкія батареи взяли! *Благодареніе Богу!..* ура!“ [1]). Объѣхавъ весь отрядъ, Суворовъ скомандовалъ къ заръ; по прибытіи на *молитву*, снялъ каску и громкимъ, внятнымъ голосомъ прочиталъ вмѣсто „*Отче нашъ*“ другую молитву: *Всемогущій Боже, сподобившись святымъ Твоимъ Промысломъ сего нощного достигнути часа.* Потомъ навѣстилъ раненыхъ и велѣлъ собрать жителей для погребенія умершихъ и убитыхъ [2]). Ночью Суворовъ часто выходилъ изъ палатки, разговаривалъ съ караульными и, обращаясь въ сторону спящаго лагеря, говорилъ имъ: „тише, тише говорите! пусть спятъ витязи!“ [3]). На другой

---

[1]) Гершельманъ.
[2]) Петрушевскій т. II.
[3]) Гершельманъ.

день послѣ побѣды первымъ дѣломъ Суворова было принести торжественное благодареніе Подателю благъ въ общей молитвѣ. Такъ было при Туртукаѣ, при Фокшанахъ и въ другихъ мѣстахъ. Всѣ эти молебствія обставлялись по возможности торжественно, и предшествовали всякимъ другимъ заботамъ, распоряженіямъ и начинаніямъ [1]).

Побѣдное торжество при Кинбурнѣ достойно особеннаго упоминанія. Здѣсь войска Суворова выстроились на косѣ лицомъ къ Очакову, отслушали молебенъ, произвели побѣдные залпы; *даже большая часть раненыхъ была въ строю.* Очаковскіе турки высыпали на берегъ, смотрѣли и слушали, не осмѣливаясь безпокоить русскихъ.

Замѣчательно также празднованіе Рымникской побѣды. При Рымникѣ Суворовъ ознаменовалъ его особеннымъ торжествомъ. Войска его, сходясь на поле сраженія для слушанія благодарственнаго молебна, по его приказанію, запаслись зелеными вѣтвями. Когда молебенъ былъ отслуженъ, Суворовъ держалъ слово, говорилъ о побѣдѣ, чести, славѣ и

---

[1]) Гершельманъ.

лаврахъ, послѣ чего каждый, бывшій въ строю, увѣнчалъ себя побѣдной вѣтвью [1]).

Гдѣ не было православнаго духовенства, для принесенія благодаренія Богу, обращался къ католическимъ прелатамъ, пріорамъ, аббатамъ, но отъ правила молитвы не отступалъ. Послѣ кровопролитнаго боя за обладаніе С. Готардомъ, когда Суворовъ, занявъ вершину, подъѣхалъ къ обители „Госпиталь“, то былъ встрѣченъ капуцинами, съ пріоромъ во главѣ, съ предложеніемъ перекусить, что Богъ послалъ. „Нѣтъ, святой отецъ“, сказалъ ему Суворовъ: „какъ ни голодны мы, но прежде всего должны помолиться Богу; отслужите намъ молебенъ, а затѣмъ и въ трапезу“ [2]).

Благочестивый обычай Суворова — молитвой заканчивать побѣдный успѣхъ—былъ закрѣпленъ въ народной памяти постановкою священныхъ изображеній, крестовъ и иконъ. На мѣстѣ бывшей крѣпостной Кинбурнской церкви, сооруженной Суворовымъ во имя Покрова Божіей Матери, еще въ 1855 г. стоялъ столбъ съ иконой Покрова Богородицы, и на иконѣ внизу былъ изображенъ колѣнопреклоненный

---

[1]) Петрушевскій. Т. I.

[2]) Гершельманъ.

Суворовъ, приносящій благодарственную Богу молитву за дарованіе побѣды [1]).

Послѣ погребенія воиновъ, павшихъ въ сраженіи, офицеры и представители отъ каждой роты и эскадрона собирались на свѣжей могилѣ погребенныхъ, и въ присутствіи Суворова торжественно служилась панихида, послѣ которой онъ обращался къ окружавшимъ съ краткимъ словомъ въ память убіенныхъ. Подъ Тересполемъ, гдѣ отрядъ Сѣраковскаго потерпѣлъ жестокое пораженіе, вслѣдъ за побѣдой русскіе убрали своихъ покойниковъ, укладывали ихъ рядкомъ по полкамъ, по ротно и эскадронно, ставили въ головахъ образа, читали псалтирь, священники служили панихиды по убитымъ, молебны за избавленіе отъ смерти. Когда братскія могилы были готовы, собрались офицеры и представители отъ солдатъ всѣхъ полковъ; совершено отпѣваніе и погребеніе, при чемъ священникъ одного изъ полковъ сказалъ надгробное слово. Суворовъ, всю ночь занятый спѣшной разсылкой приказовъ, на панихидѣ не присутствовалъ. Къ вечеру выросъ надъ могилой кургашъ, и на немъ стояло множество простыхъ деревянныхъ крестовъ. На слѣдующій день рано

[1]) Петрушевскій. Т. I.

утромъ опять собрались къ могилѣ офицеры и солдаты отъ каждой роты и эскадрона; прибылъ и Суворовъ. Отслужена общая панихида, послѣ которой Суворовъ сказалъ слово въ память сложившихъ тутъ свои кости. Нѣсколько стариковъ-солдатъ поднесли ему кутью. Суворовъ перекрестился со словами: «*Господи, помяни рабовъ Твоихъ, здѣсь лежащихъ!*» и съѣлъ ложку кутьи [1]).

Приписывая Богу побѣдный успѣхъ боя, Ему же должно было усвоять славу военнаго счастья. «*Слава Богу*, слава вамъ!», рапортовалъ Суворовъ своимъ начальникамъ объ одержанныхъ побѣдахъ.

Выходя изъ этой мысли и держась библейскаго взгляда на Монарха, какъ Богомъ поставленнаго Вѣнценосца, онъ принималъ Высочайшіе знаки отличія не иначе, какъ въ церкви, по освященіи ихъ, изъ рукъ священника [2]). Такъ, награда, полученная фельдмаршаломъ за сраженіе при Требіи 7, 8 и 9 іюня 1799 г., возложена была на него священникомъ и при этомъ прочитанъ Высочайшій рескриптъ. Точно также всѣ наградные знаки, назначенные его сподвижникамъ, онъ самъ послѣ обѣдни, преимуще-

---

[1]) Петрушевскій. Т. II.

[2]) Петрушевскій. Т. II, III. Гершельманъ.

ственно въ царскіе дни вносилъ на блюдѣ въ алтарь для окропленія св. водой и потомъ собственноручно возлагалъ на удостоенныхъ Царской милости генераловъ и офицеровъ. Получая награду каждый изъ нихъ становился на колѣни, крестился и цѣловалъ знакъ отличія, а Суворовъ, вручая орденъ, благословлялъ награждаемаго [1]) и дѣлалъ соотвѣтствующія наставленія.

Суворовъ, въ геніальномъ созданіи національной системы обученія и воспитанія войска, былъ истинно великъ сто лѣтъ назадъ и, по авторитетнымъ отзывамъ военныхъ писателей, остается таковымъ до нашихъ дней, какъ военный педагогъ и учитель. Идеи Суворова, бывъ новымъ словомъ въ его время, сохраняютъ свою полную жизненность въ наши дни: онѣ совпадаютъ съ заключеніями современной военно-педагогической науки, хотя на великомъ пространствѣ цѣлаго столѣтія военное дѣло со всѣхъ своихъ сторонъ подверглось коренному преобразованію.

Въ Суворовской теоріи войны есть сторона, сохранившая до нашего времени всю свою силу въ

---

[1]) Гершельманъ. Петрушевскій, Т. III.

полной неприкосновенности, сторона чрезвычайно поучительная, но, къ сожалѣнію, мало раскрытая.

Отправный пунктъ военной системы Суворова лежитъ тамъ, гдѣ остановилось и стало злобой нашихъ дней послѣднее слово военнаго прогресса, которому, если не измѣнится его направленіе, предстоитъ опасность, подобно Хроносу, пожравшему своихъ дѣтей, истощить самого себя безконечнымъ развитіемъ и осложненіемъ внѣшнихъ средствъ обороны и нападенія. За предѣлами этой матеріальной стороны военнаго дѣла, въ своемъ ростѣ угрожающей подавить самый прогрессъ человѣческихъ обществъ, Суворовъ переноситъ центръ тяжести военнаго успѣха въ область нравственныхъ свойствъ человѣческаго духа, указывая тамъ спасительные устои положительнаго прогресса.

Въ самый адъ ужасовъ человѣческаго страданія у Суворова смѣло вводится сила, медленно, но вѣрно преобразующая міръ, ослабляющая въ немъ проявленія зла, питающая корни добра всюду, куда проникаетъ ея живительный и творческій свѣтъ,—сила, уже побѣдившая міръ, передъ которой не можетъ устоять никакая твердыня грѣха и проклятія. Эта чудесная, все покоряющая сила—христіанская религія.

Война—зло, бѣдствіе, несчастіе, но она ограничивается, даже болѣе,—поражается въ самомъ своемъ источникѣ призывомъ къ лучшимъ свойствамъ нравственной природы человѣка. Такой призывъ идетъ отъ великаго полководца, увѣнчаннаго славой непобѣдимости на всемірномъ поприщѣ военной исторіи, и внушенъ самой сущностью военнаго дѣла. Нравственная доблесть продиктована желѣзнымъ закономъ войны, какъ необходимость, предписана, какъ условіе, безъ котораго нѣтъ побѣды.

Побѣждаетъ тотъ, кто, при равенствѣ прочихъ условій, духовно сильнѣе, выше въ нравственномъ отношеніи, въ комъ живѣе сознаніе національнаго достоинства, въ комъ сильнѣе чувства чести и долга, въ комъ больше христіанской способности къ самоотреченію и нравственной устойчивости, утвержденной на крѣпчайшемъ основаніи—религіи. Война—величайшая бѣда, въ которой первая и послѣдняя опора—Богъ! Война—грозный символъ неумолимыхъ требованій суроваго закона нравственнаго превосходства: „Кто имѣетъ, тому дано будетъ и пріумножится; а кто не имѣетъ, у того отнимется и то, что имѣетъ“ (Мато. 13, 12). Побѣдоносная война всегда предполагаетъ жертву духа на великій алтарь до-

блести, куда безнаказанно не досягаетъ дерзновенная рука духовнаго безсилія и нравственнаго ничтожества.

При общемъ стремленіи всѣхъ современныхъ государствъ быть готовыми къ войнѣ,—напряженности матеріальныхъ силъ, всѣми чувствуемой, какъ тяжкій гнетъ на экономической жизни народовъ, должна соотвѣтствовать напряженность нравственнаго соревнованія, націй какъ спасительное средство выхода изъ настоящаго положенія. Война всегда требовала подвига, постоянная же и повсюдная нынѣ готовность къ войнѣ, предписываемая, какъ законъ независимаго политическаго существованія народа, требуетъ непрерывнаго и общаго подвига нравственнаго самоусовершенствованія.

Со всей авторитетностью геніи Суворовъ безмолвно поучаетъ и примѣромъ своей жизни, и содержаніемъ своей системы: война—всей подавляющей тяжестью неисчислимыхъ плачевныхъ слѣдствій обрушивается на голову тѣхъ, кто не любитъ своей родины, не привязанъ къ своей національности, умственно невѣжественъ, нравственно низокъ, въ чувствахъ безчестенъ, въ жизни распущенъ, не обладаетъ духовной стойкостью, не почитаетъ Царя, не

уважаетъ вѣры предковъ въ сыновней покорности Церкви. Желаете быть побѣдоносными среди другихъ народовъ, побѣдите зло въ самихъ себѣ. Желаете быть сильными? Соедините себя въ чистомъ духовномъ союзѣ, для котораго нѣтъ связи крѣпче, чѣмъ религія, нѣтъ доблести выше, чѣмъ христіанское самопожертвованіе. Любите родину, просвѣщайте вашъ умъ, облагородьте ваши чувства, воспитайте преданность долгу, почитайте вашего Государя, храните Вѣру вашихъ отцовъ—и вы будете непобѣдимы и грозны для всѣхъ вашихъ враговъ. Таковъ завѣтъ, оставленный Суворовымъ.

Сто лѣтъ прошло со дня его смерти. Но истекшіе годы не помрачили ореола блеска, окружающаго его имя въ исторіи. Въ вѣнкѣ, украшающемъ его голову, всѣ лавры такъ же свѣжи теперь, какъ сто лѣтъ назадъ: ни одинъ не поблекъ, ни одинъ не завялъ. Суворовъ не похожъ на другихъ избранниковъ судьбы, которымъ исторія имѣла свои основанія усвоить почетный титулъ великихъ людей. По-видимому, одинаково величіе окружаетъ ихъ имя въ потомствѣ; но блескъ ихъ имени такъ не похожъ на свѣтъ, несущій съ собою животворную теплоту. Это холодный свѣтъ электричества, рѣзкій и осл-

нительный: онъ свѣтитъ, но не грѣетъ. Такъ можно сказать о людяхъ, которые основали свое величіе на безграничномъ эгоизмѣ, не оставивъ нравственной связи съ рядовыми людьми. Имена героевъ, какъ Суворовъ, не боясь разрушительнаго вліянія времени, вѣчно живутъ въ памяти потомства. Да и можетъ ли быть иначе? Въ кровавыхъ бояхъ съ врагами нашего отечества смерть носилась надъ нимъ и не разъ касалась его своимъ леденящимъ дыханіемъ, но не сразила его. Богъ хранилъ Суворова на поляхъ брани, по вѣрѣ его, для блага Россіи и славы русскаго Царя! Среди насъ, пожавшихъ въ мирѣ плоды его трудовъ, развѣ могло найти себѣ безвѣстную могилу великое имя героя-вождя? Мы, съ дѣтства привыкшіе чтить его имя, развѣ могли приготовить ему вторую, еще болѣе печальную, чѣмъ первая, могилу равнодушія и холоднаго забвенія?

Дѣятельность Суворова принадлежитъ, главнымъ образомъ, военной сферѣ, но она такъ блестяща, что невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ слоевъ русскаго народа; такъ оригинальна, что съ давнихъ поръ очаровываетъ народное воображеніе; такъ сильно плѣняетъ національное чувство, что живетъ въ народной памяти, окруженная легендарными сказа-

ніями; такъ богата благими послѣдствіями первостепенной государственной важности, что должна быть драгоцѣннымъ достояніемъ не одного какого-либо кружка или сословія, но всего русскаго народа въ полномъ его составѣ. Суворовъ—національный герой! Имя его—народная святыня!

Высокая обязанность охранять эту святыню неприкосновенной, великое имя неумаленнымъ, лежитъ равно на всѣхъ, кто, принадлежа къ великой русской семьѣ, любитъ свою родину. Это нравственный и отвѣтственный долгъ каждаго русскаго человѣка, такъ какъ каждый изъ національныхъ героевъ вноситъ въ сокровищницу народной жизни свой вкладъ, который имѣетъ способность не оставаться мертвымъ капиталомъ. Отражая въ себѣ народный духъ, имя героя оказываетъ глубокое воспитательное вліяніе на многочисленныя поколѣнія, является великой творческой, созидательной, воспитательной силой. Оно составляетъ народное богатство. Чѣмъ больше это духовное богатство у народа, тѣмъ дороже для него славныя національныя имена, тѣмъ ближе и понятнѣе они народной массѣ. Неуваженіе народа къ своему герою свидѣтельствовало бы объ упадкѣ нравственной силы всего народа, указывало бы на бѣдность

его духовной жизни; а забвеніе знаменитыхъ именъ родины означало бы нравственную смерть всей націи. Народъ, вѣрно чтущій священную память прославленныхъ въ родной исторіи дѣятелей, носитъ въ себѣ задатки богатаго духовнаго развитія.

Въ юбилейный годъ великаго историческаго лица народная мысль невольно обращается къ его жизни, подводитъ итоги его дѣламъ; тысячи умовъ оцѣниваютъ его личность, дѣлаютъ нравственные выводы изъ его жизни. Образъ великаго дѣятеля оживаетъ въ сознаніи массы; властно, сообразно размѣрамъ своего дѣйствительнаго величія, подчиняетъ себѣ народную мысль и народное чувство; болѣе или менѣе продолжительное время царитъ въ общественномъ сознаніи и будитъ въ націи тѣ стороны народнаго духа, которыя нашли въ немъ наилучшаго выразителя. Отсюда, чѣмъ шире поле славной дѣятельности великаго историческаго лица, тѣмъ больше голосовъ общественныхъ группъ должно слышаться въ дружномъ хорѣ національной ему хвалы. Столѣтній юбилей громкихъ подвиговъ Суворова долженъ быть такой данью національнаго уваженія къ духовному наслѣдству, оставленному имъ, и никому изъ русскихъ людей не можетъ быть постороннимъ, чужимъ торжествомъ.

Въ геніальной натурѣ Суворова настолько ярко и полно воплотились народныя русскія черты, что правильная оцѣнка его историческаго значенія, его личности, его военной теоріи и боевыхъ дѣлъ, можетъ быть сдѣлана только русскими людьми и совершенно не по силамъ иностранцамъ.

Вслѣдствіе разнообразія національныхъ свойствъ, наиболѣе полное выраженіе въ характерѣ Суворова, онъ понятенъ только русскому человѣку во всей сложности своего историческаго явленія—до несущественныхъ мелочей характера, до странностей и причудъ включительно. Юродство, какъ фактъ религіозной жизни востока, было всегда формой, подъ которой сознательно скрывалось возвышенное духовное содержаніе и ревниво оберегалось отъ незамѣтной, но частой паутины низменныхъ будней, ища защиты отъ той закваски, которая, проникая и въ малой дозѣ, все смѣшеніе кваситъ. Странности Суворова не были религіознымъ юродствомъ, но не были и маской Валленштейна, туманомъ таинственности, въ который окутываетъ себя ложное величіе, боязливо скрывающее всѣмъ знакомыя черты. Напротивъ, причуды дозволяли Суворову, минуя условныя формы, идти прямо своимъ путемъ въ каждомъ затрудни-

тельномъ случаѣ и имѣли смыслъ настолько, насколько были выраженіемъ его духовной самостоятельности и закрѣпляли ее. Родственныя духу русской національности, онѣ немало содѣйствовали его популярности въ массѣ русскаго народа. Но эти причуды были не доступны пониманію иностранцевъ и, по свидѣтельству одного изъ самыхъ авторитетныхъ военныхъ писателей [1]), понизили въ ихъ глазахъ военную славу Суворова.

Точно также, по незнакомству съ нашимъ народнымъ бытомъ, иностранцы не могутъ быть вѣрными судьями въ оцѣнкѣ нравственной стороны національной системы обученія и воспитанія нашего войска. Имъ весьма трудно [1]), разбираться въ нравственныхъ вопросахъ при изслѣдованіи дѣятельности чужой арміи, потому что эти вопросы слишкомъ тѣсно связаны съ ея національными особенностями; нужно весьма близко изучить и хорошо знать чужой народъ, чтобы дѣлать выводы и подмѣчать значеніе какой либо мѣры въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія на его войско. Потому-то чужеземцы—не судьи Суворову. Если, по выраженію Наполеона, на войнѣ

---

[1]) Жомини. Петрушевскій Т. III.

[1]) Гершельманъ.

три четверти успѣха зависятъ отъ нравственнаго элемента и только одна четверть отъ матеріальной стороны, то эти три четверти, столь полныя и содержательныя въ системѣ Суворова, что въ нихъ-то вся сущность дѣла, необходимо должны ускользнуть отъ пониманія иностранныхъ критиковъ. Если побѣда есть прежде всего фактъ нравственный, а не матеріальный [1]), то Суворовъ, «*Россійской арміи Побѣдоносецъ*“ [2]), для чужеземныхъ изслѣдователей— закрытая загадка.

Насколько для иностранцевъ, совершенно не знавшихъ Россіи или мало знакомыхъ съ нею, Суворовъ оставался непонятнымъ, какъ оригинальное явленіе русской жизни, настолько тамъ, гдѣ это пониманіе было возможно, въ очевидной оцѣнкѣ громкихъ дѣлъ полководца, имъ мѣшала справедливо говорить и ясно видѣть ненависть къ человѣку, который былъ центральной фигурой въ событіяхъ [3]), стершихъ съ лица земли безпокойное государство Польши, и опаснѣйшимъ вождемъ движенія, грозившаго по-

---

[1]) Драгомировъ.

[2]) Такъ при Императорѣ Павлѣ возглашалось въ церкви на благодарственномъ молебствіи за побѣды Суворова (Петрушевскій. Т. - III).

[3]) Петрушевскій.

давить революціонную свободу Французской республики.

По всей Европѣ поляки сѣяли сѣмена непримиримой вражды къ Суворову, а выростила эти сѣмена Французская революція. Въ крестовомъ походѣ, какимъ, по мысли Императора Павла, была война съ Франціей 1799 г., роль Суворова ставила его во главѣ европейскаго антиреволюціоннаго движенія и обрушила на него всю ненависть тайныхъ и явныхъ сторонниковъ этого движенія, гдѣ бы они ни были. Ненависть ихъ къ Суворову была тѣмъ сильнѣе, что онъ былъ страшенъ для Франціи и иноземныхъ сторонниковъ французской революціи, какъ не былъ страшенъ ни одинъ полководецъ съ самаго начала революціонныхъ войнъ [1]).

Въ непріязненныхъ чувствахъ къ Суворову не малую роль играетъ принадлежность его странѣ, стоящей по уровню образованія ниже Европы. Съ этой точки зрѣнія высокообразованный Суворовъ виноватъ уже тѣмъ, что онъ русскій.

Европа едва начинаетъ понимать и цѣнить первоклассныя произведенія нашей литературы, которая служитъ ключомъ къ ознакомленію съ духовнымъ

[1]) Петрушевскій. Т. III, стр. 304.

богатствомъ народа. Когда же она оцѣнитъ величайшаго русскаго полководца, достойно занимающаго мѣсто среди избраннаго десятка знаменитыхъ полководцевъ міра? Изъ нихъ, по осторожному отзыву нашего ученаго военнаго спеціалиста — писателя, [1]) нѣкоторые, можетъ быть, стоятъ выше Суворова въ искусствѣ стратегическихъ соображеній и вообще въ томъ, что составляетъ, такъ сказать, механизмъ военныхъ дѣйствій, въ отношеніи же нравственной стороны военнаго дѣла можно смѣло сказать, что Суворовъ былъ однимъ изъ самыхъ великихъ военачальниковъ: едва ли кто другой превосходилъ его въ желѣзной силѣ воли, въ непоколебимомъ мужествѣ и въ особенности въ безграничномъ вліяніи на войско. Западно-европейская военная литература въ послѣднее время готова исправить вѣковую свою ошибку по отношенію къ Суворову, но мгла, окружающая на Западѣ его свѣтлое историческое имя, разсѣется только тогда, когда западныя націи отрѣшатся отъ предвзятыхъ взглядовъ на Россію и правильно поймутъ содержаніе русской жизни, сложившейся подъ вліяніемъ чуждаго имъ православнаго христіанства.

[1]) Орловъ.

Къ сожалѣнію, слава великихъ подвиговъ Суворова, неизгладимо написанныхъ на священныхъ скрижаляхъ отечественной исторіи, не всѣмъ сынамъ Россіи извѣстна въ той мѣрѣ, въ какой то требуется достоинствомъ лица. Еще меньшему числу русскихъ людей правильно рисуется его нравственная личность. Научное изслѣдованіе дѣятельности Суворова еще не закончено, не доведено до полноты, достойной его великаго имени. Напр., только въ Варшавскомъ военномъ округѣ положено начало изученію мѣстъ Суворовскихъ битвъ; между тѣмъ, историческія мѣста, связанныя съ именемъ Суворова, есть въ Виленскомъ, Кіевскомъ, Одесскомъ, Кавказскомъ военныхъ округахъ [1]). Еще меньше сдѣлано для распространенія въ народѣ добытыхъ наукой данныхъ о Суворовѣ. Нѣтъ музея его имени; „Суворовскій инвалидный домъ“ въ бывшей родовой усадьбѣ Суворовыхъ, Каменкѣ (Боровичскаго уѣзда), не располагаетъ даже Суворовской библіотекой и вообще недостаточно внушителенъ сравнительно съ размѣрами его личности и щедростью въ дѣлѣ призрѣнія военныхъ людей. Нѣтъ, наконецъ, памятника, который

[1]) „Развѣдчикъ“ № 452 за 1899 г. (Орловъ).

достойнымъ образомъ увѣковѣчивалъ бы память о Суворовѣ и ясно, *національнымъ, русскимъ языкомъ*, говорилъ бы потомству о свершенныхъ имъ великихъ дѣлахъ.

Правда [1]), въ Петербургѣ, близъ Царицына луга стоитъ памятникъ генералиссимусу, но видъ его мало напоминаетъ образъ и дѣла полководца. Памятникъ воздвигнутъ Императоромъ Александромъ I. Фигура отлита изъ бронзы извѣстнымъ въ свое время художникомъ Козловскимъ, который изобразилъ русскаго фельдмаршала римскимъ воиномъ, прикрывающимъ щитомъ и мечомъ жертвенникъ, на которомъ находятся пьемонтская и сардинская короны и папская tiara; на бронзовой доскѣ надпись: «Князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, 1801 г.». Но что можетъ сказать русскому человѣку своимъ видомъ этотъ римскій воинъ? Развѣ отразилась въ немъ гордость русскаго народа той славой, которою онъ покрылъ русское оружіе, русское имя? Этотъ римскій воинъ молчитъ о Рымникѣ, Измаилѣ, Прагѣ, молчитъ о русскомъ геніѣ полководца и не соотвѣт-

---

[1]) Орловъ.

ствуетъ сложившемуся точному представленію о личности чудо-богатыря» [1]).

На русскомъ національномъ памятникѣ Суворову, конечно, не найдутъ себѣ господствующаго мѣста пьемонтская съ сардинской короны и еще меньше папская тіара, такъ-какъ Суворовъ воевалъ съ французами не спеціально въ защиту пьемонтскаго и сардинскаго престоловъ и совсѣмъ не для возвеличенія папства, не для охраны странныхъ для насъ прерогативъ его свѣтской власти. Неудачная въ смыслѣ православно-русскомъ идея художника могла, повидимо, основываться на историческихъ описаніяхъ торжественныхъ встрѣчъ, подобныхъ той, какая была устроена Суворову при побѣдномъ въѣздѣ въ Миланъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье, когда католическій архіепископъ съ крестнымъ ходомъ ожидалъ далеко за городомъ русскаго освободителя Италіи отъ французскаго ига. Но отвѣтъ Суворова на привѣтствіе миланскаго архіепископа ничѣмъ не выдѣляетъ католичества изъ ряда другихъ западныхъ формъ христіанства, какъ не называетъ по имени ни одного угнетеннаго короля. «*Молитесь*», отвѣтилъ Суворовъ: «*да поможетъ мнѣ Богъ спасти*

[1]) Орловъ.

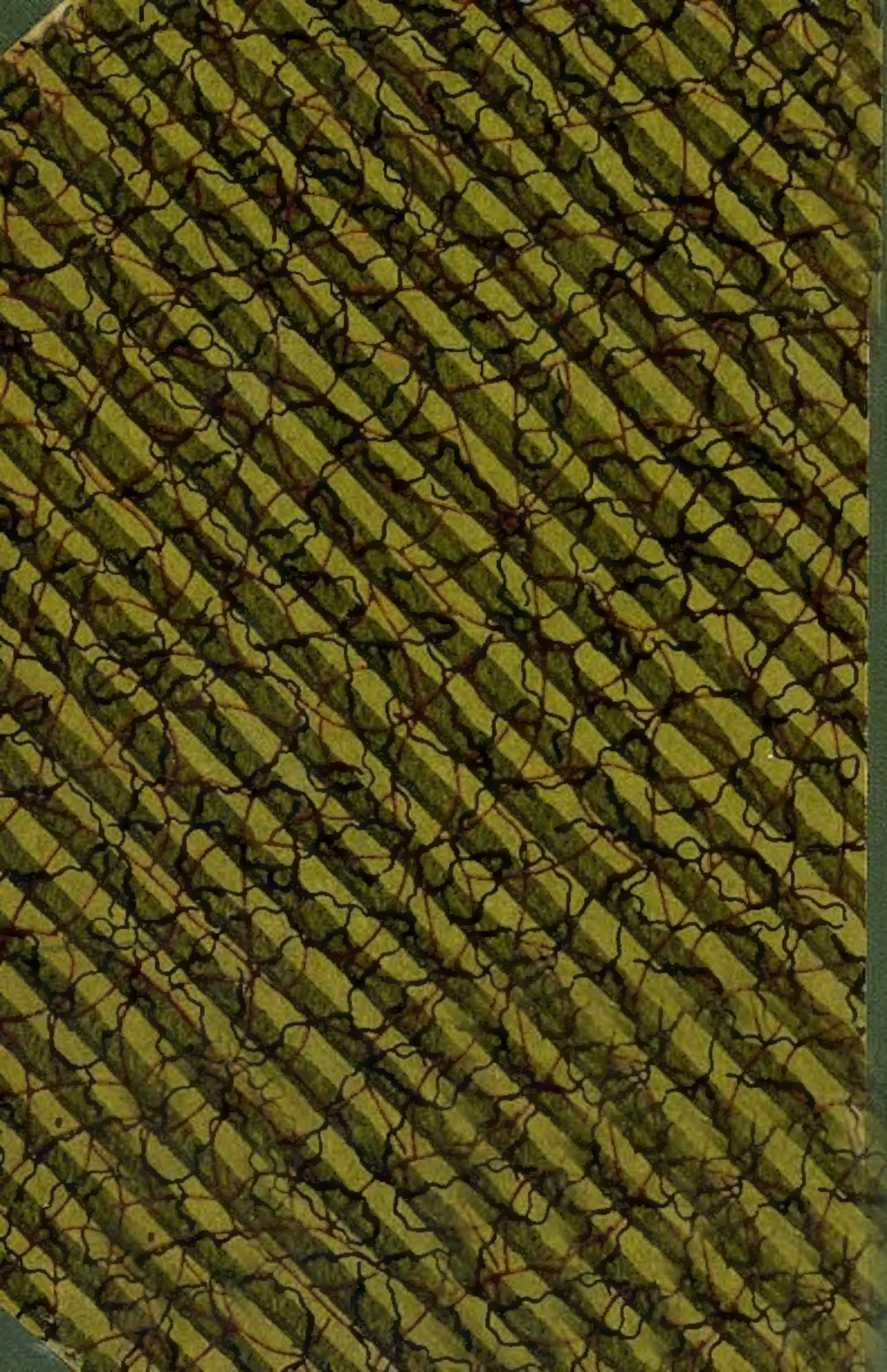
алтари и престолы»! [1]) Равнымъ образомъ, при въѣздѣ въ Верону, его отвѣтныя слова на добрыя пожеланія представителей духовной и свѣтской власти содержатъ общее указаніе на „троны и вѣры“, которыя онъ прислалъ защищать. Подъ его начальствомъ русскіе воины сражались во имя принципа религіи и монархизма. Непонятность упомянутыхъ изображеній коронъ и папской тіары на *единственномъ* памятникѣ Суворову, въ качествѣ символовъ идей, за которыя онъ поднималъ оружіе въ одинъ, впрочемъ, походъ 1799 г., особенно выступаетъ въ наше время, когда пьемонтское и сардинское государства исчезли съ лица земли, а папа и свободная Италія въ представленіи современнаго человѣка разъединены, какъ самые непримиримые политическіе враги. Наконецъ, самое главное, названный памятникъ въ римскомъ и католическомъ тонѣ увѣнчиваетъ Суворова только, какъ вождя похода 1799 г., и проходитъ молчаніемъ всю предшествующую его дѣятельность, которою отъ много раньше Итальянской и Швейцарской кампаній снискалъ себѣ исключительное [2]) вниманіе русскихъ

[1]) Петрушевскій. Т. III., стр. 40.

[2]) По приказанію Императора Павла, гвардія и всѣ войска, даже въ присутствіи Государя, должны были от-

Царей, безграничную любовь войска и благоговѣніе цѣлаго народа.

Всѣ эти пробѣлы въ отношеніи потомства къ памяти Суворова свидѣтельствуютъ о недостаткѣ въ русскомъ обществѣ основательнаго пониманія значенія великаго русскаго полководца въ исторической нашей жизни. А между тѣмъ въ этомъ смыслѣ онъ долженъ быть памятенъ всѣмъ русскимъ людямъ, по блестящему осуществленію въ своемъ лицѣ идеала русскаго воина, и дорогъ въ частности военнымъ пастырямъ тѣмъ, что въ своей военной системѣ даетъ самое широкое мѣсто элементу христіанской религіи, этому истинно побѣдному началу не только на войнѣ противъ непріятеля, но и въ дни мира противъ войны.

Церкви Новочеркасскаго полка
Священникъ Ѳеодоръ **Ласкѣевъ.**

давать Суворову воинскія почести, слѣдующія по уставу только особѣ Императора (Петрушевскій. Т. III., стр. 173 ср. 283 стр.).